

ВЫПУСК
5

Шиф

приключения фантастика

Библиотечка «Уральского следопыта»

- ДЕЛО ВЕДЕТ ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ
- ПЛАСТИЛИНОВЫЙ ГОРОД
- В ЗЯТЯХ У НЕПТУНА
- ТАИНЫ «М-СКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА»
- СГОВОРЧИВЫЕ ДВОЙНИКИ

РЕЙМОНД ЧАНДЛЕР

ПРОИСШЕСТВИЕ В "КАРЛТОНЕ"

ДОРДЖ Миллар, ночной портье отеля «Карлтон», был крепким, энергичным, элегантно одетым мужчиной с низким голосом, как у певца. Когда он говорил в микрофон, голос у него был спокойным, хотя взгляд стал сердитым.

— Очень сожалею. Больше такого не повторится. Я сейчас пришло человека.

Он сдернул с головы наушники с микрофоном, бросил их на коммутатор, быстро вышел из-за сасей перегородки и направился в холл. Было начало второго ночи. Отель был заполнен на две трети. В просторном холле горел неяркий свет. Откуда-то доносился звук радиоприемника. Миллар спустился по трем невысоким ступенькам и направился в сторону звука. Свернув в арку, он посмотрел на мужчину, растянувшегося на большом мягком диване. Тот лежал на боку, обложившись подушками, и слушал по радио музыку.

— Эй ты! — рявкнул Миллар. — Так значит, следишь за порядком?

Стив Грейс, высокий черноволосый мужчина лет двадцати восьми, с глубоко посаженными глазами и довольно мягким подбородком, медленно повернул голову и посмотрел на Миллара. Улыбнулся и показал на приемник.

— Кинг Леопарди. Ты слышишь, Джордж? Какой мягкий звук, как ангельское крылышко!

— Отличный звук! Только ты пойдешь, поднимись и убери его из коридора!

Перевод с англ. А. Пахотина.

Стив Грейс удивленно вскинул брови.

— Что? Опять? Я думал, эти пташки уже давно в постелях. Он спустил ноги с дивана и встал.

— Из восьмьсот шестнадцатого говорят, что нет. Он там в коридоре с двумя своими дружками устроил концерт. А девица из восьмьсот одиннадцатого пляшет под музыку. Давай, Стив, разберись с ними. И чтобы все было тихо.

Поднявшись на восьмой этаж, Стив Грейс вышел из лифта. Громкий звук ударил по ушам, словно порыв ветра. С полдюжины дверей были открыты, и из них выглядывали сердитые лица.

— Все в порядке, — быстро проговорил Стив Грейс. — Это самый последний акт. Можно идти спать.

Он повернул за угол, и его чуть не сшибла с ног волна громкой музыки. У стены в ряд стояли трое мужчин перед открытой дверью номера. Средний, шести футов роста, мощного телосложения, с тонкими усиками, играл на тромбоне. Его лицо раскраснелось от напряжения, а глаза блеснули от выпитого спиртного. На нем были только желтые атласные шорты с вышитыми черными инициалами на левом боку. Двое других были в пижамах, оба пьяные, но не вдрызг. Один играл на кларнете, другой — на саксофоне. А перед ними извивалась, плясала и, фальшивя, пела скрипучим голосом блондинка в туфлях на высоком каблучке и в черной пижаме с сиреневой подпояской.

— Все! Конце! Концерт окончен! Разойдитесь!

Кинг Леопарди отнял от губ тромбон и проревел:

— Фанфары в честь местной охраны!

Все трое так дунули в свои инструменты, что стены задрожали. Девица засмеялась и дрыгнула ногой. Туфля соскочила и полетела Грейсу в грудь. Он поймал ее в воздухе, прыгнул к девице и схватил за запястье.

— Вот так! — усмехнулся он. — С тебя и начнем.

— Держи его! — крикнул Леопарди.

Стив подхватил девицу под мышку, как посылку, и побежал. В одну открытую дверь он увидел мужчину, побежал к следующей, проскочил внутрь номера, захлопнул пинком дверь и повернул ключ. Почти тут же в дверь ударили снаружи. Грейс не обратил на это никакого внимания. Он отпустил девицу и толкнул ее по проходу мимо ванной. Она отшатнулась, привалилась к столу, тяжело дыша и сверкая глазами.

— Ну, как тебе понравилась доставка, сестренок?

— Пошел к черту! — выдохнула она. — Кинг — мой приятель, понял? Нечего тут руки распускать.

— Ты что, выступаешь вместе с ними?

Она фыркнула.

— Откуда ты узнала, что они будут здесь?

На кровати лежала еще одна девушка. Голова ее была повернута к стене, спутанные волосы лежали на бледной щеке. На одной штанине пижамы выдран клоч. Девушка постанывала.

— Послушайте, крошки, — сердито сказал Грейс. — Вы можете лечь спать до утра или вылететь отсюда немедленно. Выбирайте.

— Убирайся из моей комнаты, фараон!

Блондинка схватила со стола зеркало и кинула в Грейса. Он нагнулся, зеркало ударилось о стену и разлетелось вдребезги. Черноволосая девушка перевернулась на кровати и устало проговорила:

— О-о, прекратите. Мне плохо.

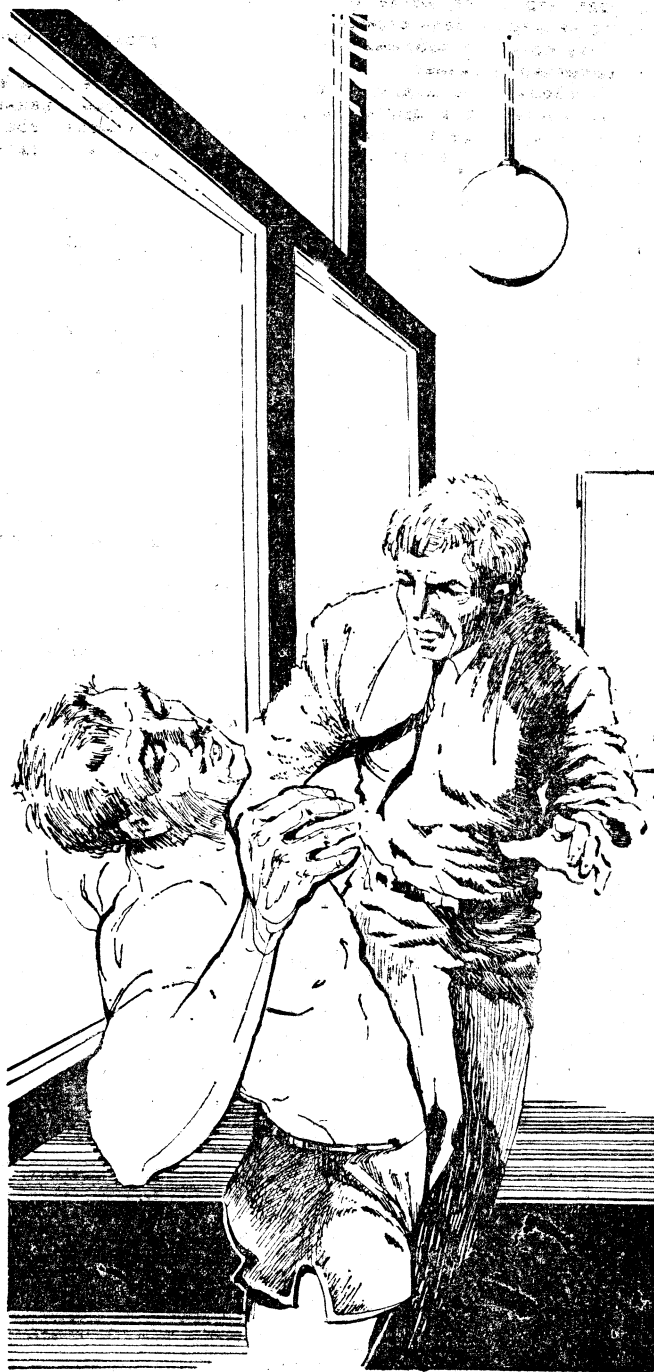
Блондинка, покачивая бедрами, подошла к бару у окна, налила себе полстакана виски и в несколько глотков осушила его. Но поперхнулась, закашлялась, выронила стакан и одустилась на четвереньки.

— Сейчас расквасишь себе нос, сестренок, — сказал Грейс с издевкой.

Девица покачала головой, икнула, потянулась рукой с ярко накрашенными ногтями к губам. Потом она попыталась встать, но поскользнулась и, повалившись на бок, тут же заснула.

СТИВ вздохнул, подошел к окну, закрыл его на защелку. Потом поднял блондинку с пола, положил ее на кровать рядом с брюнеткой, открыл форточку, погасил свет и открыл дверь. Выйдя в коридор, он замкнул дверь специальным ключом, висевшим у него на цепочке.

— Вот так, — проговорил тихо.

Теперь коридор был пуст, но одна из дверей по-прежнему оставалась открытой. Номер восьмьсот пятнадцать. Из открытой двери доносился звук тромбона. Не громкий, но и не достаточно тихий для половины второго ночи.

Стив Грейс вошел в этот номер, закрыл двери плечом и прошел мимо ванной в комнату. Там был только Кинг Леопарди. Солист оркестра сидел, развалившись, в кресле. Рядом у локтя стоял стакан с виски.

Стив закурил, выпустил облако дыма и уставился на музыканта полуосхищенным, полупрезрительным взглядом.

— Гаси свет, желтоштанник. Ты отлично играешь на трубе и тромбоне. Но здесь не место, я уже говорил тебе.

Леопарди ехидно улыбнулся и издал на тромбоне нечто вроде смеха.

— Он мне будет указывать, — буркнул он, — Леопарди

делает, что хочет, когда хочет и где хочет. Пока ему еще никто не мешал. Вали отсюда.

Стив подошел поближе к высокому загорелому музыканту и терпеливо произнес:

— Убери свою дудку. Люди хотят спать. На сцене ты великий мастер, а в других местах ты самый обыкновенный парень с кучей денег и паршивой репутацией. У меня работа, и я ее делаю. Еще раз дунешь в эту штуковину, и я завяжу ее у тебя на шею.

Леопарди сделал большой глоток из стакана, поднял тромбон к губам и дунул в него изо всех сил. Затем неожиданно встал и ударил Стива инструментом по голове.

— Терпеть не могу гостиничных ищеек, — сказал он. — От них несет, как из унитаза.

Стив отступил и потряс головой. Потом сделал выпад вперед и ударил Леопарди открытой ладонью. Удар выглядел легким, но Леопарди отлетел через всю комнату и упал у спинки кровати, правая рука у него оказалась в открытом чемодане.

На мгновение оба замерли. Потом Стив отпихнул ногой тромбон и погасил сигарету в стеклянной пепельнице.

— Если хочешь неприятностей, — сказал он, — то можешь их получить.

Леопарди слегка скривил губы и вытащил руку из чемодана. В ней был зажат пистолет. Большим пальцем он снял оружие с предохранителя и наставил на Стива.

— Получи-ка сам, — сказал он и выстрелил.

В закрытой комнате звук был оглушительным. Зеркало, стоявшее на бюро, брызнуло осколками. Один из них резанул Стива по щеке. На ней тут же показалась полоска крови. Стив прыгнул к Леопарди, вышиб из руки пистолет, который отлетел под кровать.

— Ты это зря затеял, брат, — сказал он тихо и, схватив музыканта левой рукой за волосы, начал поднимать на ноги. Леопарди завспил и дважды ударил Стива в челюсть. Тот еще сильнее потянул музыканта за волосы и заставил его развернуться, так что третий удар угодил уже в плечо. Стив схватил правой рукой музыканта за запястье и завернул его за спину. Леопарди охнул и, согнувшись, стал на колени. Стив приподнял его за волосы и нанес три резких удара в солнечное сплетение, потом отпустил волосы и нанес четвертый удар. Леопарди обмяк и его вырвало.

Стив прошел в ванную и снял с вешалки полотенце. Он бросил его Леопарди, затем поднял чемодан на кровать и начал швырять туда вещи.

Леопарди вытер лицо и встал на ноги, все еще покачиваясь. Он был совершенно бледным.

— Одевайся, Леопарди, или уходи так. Мне все равно, — сказал Стив Грейс.

Леопарди, спотыкаясь и ощупывая стенку, как слепой, пошел в ванную.

МИЛЛАР стоял совершенно неподвижно, когда дверь лифта раскрылась. Первым из него вышел Леопарди, он шел скванно, слегка согнувшись, лицо его было бледно-зеленого цвета. Следом вышел Стив Грейс с чемоданом и носильщик Карл, который нес еще два чемодана и два черных кожаных футляра с инструментами. Стив подошел к Миллару, стоявшему за конторкой.

— Счет для мистера Леопарди, он уезжает.

Миллар вытаращил глаза на Стива:

— Я... Я думаю, Стив...

— Я так и понял, что счета нет.

Леопарди неприятно улыбнулся и вышел через дверь, которую открыл для него носильщик. У отеля стояли два ночных такси. Одно из них сразу же подъехало к крыльцу. Носильщик положил чемоданы в багажник, а Леопарди сел рядом с таксистом, потом наклонился к открытому окну и сказал:

— Мне жаль. Действительно, жаль.

Стив Грейс отступил, машина поехала по улице и, повернув за угол, скрылась из виду. Стив повернулся, достал из кармана монету в двадцать пять центов и подал носильщику.

— От Кинга, — сказал он. — Сохрани ее. Будешь показывать своим вучкам.

Стив вернулся в отель, прошел в лифт, не глядя на Мил-

лара, поднялся на восьмой этаж, отомкнул своим ключом номер Леопарди и прошел в комнату. Там он отодвинул от стены кровать, поднял пистолет тридцать второго калибра, положил его в карман и начал оглядывать пол, ища гильзу. Он нашел ее у корзины для мусора, наклонился, чтобы поднять, и замер. В корзине лежали клочки бумаги с наклеенными на них буквами из газетных заголовков. Стив поднял гильзу, сунул ее в карман, потом взял корзину, придвинул кровать на место и вытряхнул на пол клочки бумаги. Выбрав из кучи мятых бумажек и спичек клочки с наклеенными буквами, он подошел к столу. Через несколько минут из клочков сложилась записка.

«Десять тысяч в четверг вечером, Леопарди. На следующий день после первого концерта в клубе «Шалотт». Иначе — занавес. Ее брат».

— Хм, — произнес Стив Грейс. Он сложил клочки в конверт с названием отеля и сунул его в карман. — А этот парень не из робкого десятка, — сказал он, закурив. — Этого у него не отнимешь, как и владение инструментом.

СТИВ вышел из комнаты, запер ее, прошел по тихому коридору к номеру, где находились две девицы, и громко постучал. Скрипнул стул, к двери кто-то подошел.

В чем дело? — послышался спокойный, трезвый голос. Это говорила не блондинка.

— Охрана отеля. Мне надо поговорить.

— Ты и так говоришь.

— Я хочу поговорить без двери.

— У тебя есть свой ключ. Открывай.

Шаги удалились. Стив открыл своим ключом дверь и вошел. На столе горела лампа под абажуром, блондинка храпела на кровати, а у окна на стуле сидела брюнетка, скрестив ноги, и пустыми глазами смотрела на Стива.

Тот подошел к ней, показал пальцем на дырку в пижаме и тихо сказал:

— Ты не болеешь. Ты не была пьяной. Эта дырка появилась давно. Что у вас, ракете? Тригете Леопарди?

Девушка затаилась сигаретой и продолжала молча смотреть на него.

— Леопарди выехал, — сказал Стив. — Теперь у вас, сестренка, ничего не выйдет. — Он внимательно смотрел на нее.

— У-у! Как мне надоели эти гостиничные сыщики! — воскликнула девушка с неожиданной злобой в голосе. Она резко встала, прошла мимо него в ванную и закрылась.

Стив пожал плечами и проверил пульс у спящей блондинки — неровный, слабый, как у любого пьяного. Посмотрел на большую сиреневую сумку, лежавшую на бюро, поднял ее и снова опустил. Сумка громко удерлась о стекло, как будто в ней лежал кусок железа. Стив схватил сумку, сунул в нее руку и нащупал железный ствол. Открыв сумку пошире, увидел небольшой автоматический пистолет двадцать пятого калибра. Рядом лежала полоска белой бумаги: квитанция с фамилией и адресом. Стив сунул листок в карман, положил сумку на бюро и отошел к окну, когда брюнетка вышла из ванной.

— Черт! Ты все еще здесь? — резко проговорила она. — Ты же знаешь, что случается с гостиничными сыщиками, которые пробираются ночью в женские номера.

— Да. У них бывают неприятности. В них даже могут выстрелить.

Выражение лица у девушки изменилось, она украдкой взглянула на сиреневую сумку.

— Знаешь Леопарди? — спросил Стив, глядя на девушку. — Он не играл здесь уже два года. А раньше был обыкновенным трубачом в оркестре Вейна Ютигора, — дешевая группа. Брюнетка прошла мимо Стива и уселась у окна.

— Блоссом его знала. Та, которая на кровати.

— Вы знали, что он сегодня приезжает в наш отель?

— А тебе-то что за дело?

— Я бы сам никогда не подумал, что он может сюда приехать, — сказал Стив. — У нас здесь тихое место. И не могу представить, чтобы кто-то приехал сюда шантажировать его.

— Иди куда-нибудь в другое место и представляй там. Я хочу спать.

— Спокойной ночи, дорогуша, — сказал Стив. — И не забудь запереть дверь.

РЕДКОВОЛОСЫЙ тощий блондин с худым лицом стоял у конторки Миллара и барабанил по ней пальцами. На нем был серый костюм и шарф под пиджаком. Похоже, блондин только что встал с постели. Он посмотрел на Стива своими темно-зелеными глазами, когда тот вышел из лифта и прошел к конторке.

Стив положил ключ с биркой.

— Ключ Леопарди, Джордж. У него в номере разбито зеркало, а на ковре его ужин, в основном, виски. — Стив повернулся к тощему блондину. — Вы хотели меня видеть, мистер Питерс?

— В чем дело, Грейс? — сказал блондин таким тоном, словно уже ожидал услышать в ответ ложь.

— Леопарди и два его дружка из оркестра были на восьмом этаже, остальные — на пятом. На пятом все улеглись. А на восьмом две шлюшонки сумели поселиться рядом с Леопарди. Они устроили там шумную вечеринку. Пришлось с ними разобраться.

— У тебя на щеке кровь, — холодно произнес Питерс. — Вытрись.

Стив достал платок и стер уже спекшуюся кровь.

— Девиц я загнал в номер. Двое помощников Леопарди все поняли и тоже ушли. А сам он решил, что все хотят послушать, как он играет на тромбоне. Я пригрозил, что обмотаю ему шею этим тромбоном, а он меня стукнул им по голове. Я ему врезал, а он достал пистолет и выстрелил в меня. Вот его пистолет. — Стив достал пистолет и положил его на конторку. Рядом — гильзу. — Ну, я его привел в чувство и вышвырнул.

Питерс продолжал постукивать по конторке.

— Похоже, ты как всегда, был очень вежлив.

— Он стрелял в меня, — тихо повторил Стив, глядя на Питерса. — Из этого пистолета. Он промахнулся, а мог бы и попасть. Я не хочу, чтобы в моем брюхе появились лишние дырки.

Питерс нахмурился и сказал очень вежливо:

— Вы у нас числитесь ночным дежурным, потому что нам не нравится называть вас гостиничным детективом. Но никто не имеет права выселять постояльцев из отеля без моего разрешения. Никто, мистер Грейс.

— Но ведь он же стрелял в меня! Разве вы не понимаете!

— Подумайте еще вот о чем, — продолжал Питерс. — Контрольный пакет акций этого отеля принадлежит мистеру Халсею Г. Уолтерсу. Мистер Уолтерс владеет также и клубом «Шалотт», где Кинг Леопарди открывает свои концерты в среду вечером. И что, вы думаете, я вам должен сейчас сказать?

— Что я уволен, — выдавил Стив.

— Совершенно верно, мистер Грейс. Спокойной ночи.

Питерс повернулся и пошел к лифту. Когда дверь лифта закрылась, Стив посмотрел на Миллара.

— Уолтерс. Большая шишка. Хм, — сказал он тихо. — Такой умный, что решил, будто в клубе «Шалотт» и здесь, в отеле, одна и та же публика. Это Питерс написал Леопарди, чтобы он приезжал сюда?

— Думаю, что он, Стив.

— А чего ж он тогда не поселил его в отдельном «люксе», в башенке, за двадцать пять долларов в сутки? И почему Квиллан позволил этим девицам поселиться рядом?

Миллер потеревил себя за черные усы.

— Наверное, у него не было денег. А про девиц я не знаю.

Стив шлепнул ладонью по конторке.

— Уволен за то, что не позволял пьянице устроить на этаже концерт и тир. Чепуха какая-то! Мне будет жаль это место!

— Я тоже буду по тебе скучать, Стив, — сказал Миллар. — Но только через неделю. С завтрашнего дня я уезжаю на неделю отдыхать. У моего брата есть домик в районе Крейст-дей.

— Не знал, что у тебя есть брат, — сказала Стив рассеянно.

— Он редко сюда приезжает. Здоровый парень. Бывший боксер.

Стив кивнул и выпрямился.

— Ладно, докончу дежурство на диване. Ты куда-нибудь убери этот пистолет, Джордж.

Он улыбнулся кисло, пошел в свою тесную комнатенку,

где стояло радио. Там взял подушку, затем вдруг полез в карман и вытащил листок бумаги. Это была квитанция на оплату квартиры мисс Мэрилин Делорм, улица Корт-стрит, сто восемнадцать, квартира двести одиннадцать. Стив сунул квитанцию в бумажник и тихо сказал:

— Кажется, у меня будет другая работенка. Что-то здесь не чисто.

Он прошел в телефонную будку и набрал номер круглосудочной музыкальной радиопрограммы.

— Вы не прокрутите «Одиночество» Кинга Леопарди? — попросил он.

— У нас тут целая куча заявок. А «Одиночество» мы уже дважды крутили. А кто это звонит?

— Стив Грейс, ночной дежурный из отеля «Карлтон».

— О, трезвый парень при исполнении обязанностей. Для тебя — все, что угодно.

Стив вернулся к своему дивану, включил радио.

Минут через десять по радио зазвучала труба Леопарди.

— Черт! — пробурчал Стив, когда мелодия закончилась. — Вот играет! Может быть, я зря с ним так.

УЛИЦА Корт-стрит была в старой части города, в итальянском районе, районе художников. Она шла по вершине холма Банкер-Хилл, и на ней можно было встретить бывших жителей Гринвич-Вилдж и преступников, скрывающихся от ареста, женщин на один вечер и клиентов, ругающихся со старыми высокими владельцами особняков. Когда-то Банкер-Хилл было приятным местом, и до сих пор с тех времен сохранился фуникулер под названием «Полет ангела».

Была вторая половина дня, когда Стив Грейс, единственный пассажир канатной дороги, сошел на вершине Банкер-Хилл. Он был в хорошо подогнанном голубом костюме, высокий и широкоплечий. Свернув на Корт-стрит, Стив начал смотреть номера домов. Тот, который он искал, оказался вторым от угла, напротив дома из красного кирпича, над которым золотыми буквами было написано: «Похоронное бюро Перруджини». У входа стоял седоволосый, покрытый бородавками, итальянец и курил сигару, ожидая, пока кто-нибудь умрет.

Дом сто восемнадцать был трехэтажным, со стеклянным входом, завешанным грязной сетчатой шторой. Узкий ковер в коридоре, двери с номерами, написанными блеклой краской.

Стив Грейс поднялся по ступеням боковой лестницы и нашел комнату двести одиннадцать, где жила мисс Мэрилин Делорм. Он слегка постучал в дверь, за ней не слышалось никаких звуков. В коридоре тоже было тихо. За дверью, напротив номера двести одиннадцать, кто-то все время кашлял.

Стоя в полумраке коридора, Стив Грейс думал, зачем он сюда пришел. У мисс Делорм был в сумке пистолет. Леопарди получил письмо с угрозой и порвал его. Мисс Делорм выехала из отеля «Карлтон» через полчаса после того, как Стив поговорил с ней о Леопарди. И все же.

Он вытаскил свои ключи и начал изучать дверной замок. Похоже, его можно было открыть. Он попробовал и через некоторое время вошел в комнату. Окна были зашторены. Сильно пахло пудрой. Мебель светлая. Откидная кровать опущена. На ней лежал журнал и две подушки. На тумбочке — туалетный набор, расческа, маникюрные ножницы. В ванной — пусто. В шкафу много одежды и два чемодана. Вся обувь одного размера.

Стив стоял у кровати, пощипывая себя за подбородок.

— Блоссом, блондинка, здесь не живет, — произнес он тихо. — Только Мэрилин, блонетка с дыркой в пиджаке.

Он вернулся к тумбочке и выдернул ящик. В нем стояла коробка с патронами для пистолета двадцать пятого калибра. Порывшись в окурках и пепельнице. Все они были испачканы помадой. Стив махнул рукой.

— Пустая трата времени, Стив.

Он пошел к двери и взялся за ручку, потом передумал, повернулся, подошел к кровати и поднял ее. Мэрилин Делорм лежала под кроватью на боку. Длинные ноги скрещены, как будто она бежала. На одной ноге не было тапочка. Там, где кончались чулки, было видно кожу и застёжки пояса. На шее темно-синие пятна.

Открытый рот искажал выражение лица. Тело уже похолодело, но не ооченело. Она была мертва не менее двух-трех часов, но не более шести.

Рядом с ней лежала сиреневая сумка. Стив не притронулся ни к чему, что было высыпано из сумки. Пистолета не было. Не было и никаких бумаг.

Стив опустил кровать и начал вытирать все предметы в комнате, к которым прикасался. Затем прислушался и вышел в пустой коридор. Человек за дверью напротив по-прежнему кашлял. Стив спустился на первый этаж, посмотрев почтовые ящики и пошел по коридору к двери.

ЗА ДВЕРЬЮ монотонно поскрипывал стул. Стив постучал, и в ответ послышался резкий женский голос. Он ткнул дверь рукой, обмотанной носовым платком, и вошел.

В центре комнаты в старом кресле-качалке сидела, покачиваясь, женщина с серым лицом в простых

чулках. Она посмотрела на Стива глазами дохлой золотой рыбки.

— Вы управляющая?

Женщина перестала раскачиваться и визгливо крикнула:

— Эй, Джек! Тут пришли!

В комнату из другой двери вошел крупный мужчина с банкой пива. Лысый, с толстой шеей и маленькими пороссячими глазками. Глаза его, как и у женщины, совершенно ничего не выражали. Судя по виду, он дня два не брился. Сквозь расстегнутый ворот рубашки видна мощная волосатая грудь.

Лысый протянул старухе банку пива. Она быстро схватила ее и сказала:

— Я так устала. Ничего не соображаю.

— Управляющий? — спросил мужчину Стив.

— Да, Джейк Стоянофф. Вес — двести восемьдесят шесть фунтов, и все еще силен.

Он наклонился вперед и щелкнул красными подтяжками.

— Кто живет в двести одиннадцатом?

— Дама.

— Одна?

— Продолжай спрашивать меня, — сказал мужчина, взяв с грязного стола зажженную сигару, сунул ее в рот.

— Я и так спрашиваю, — сказал Стив.

— Спрашивай меня в кухне.

Взял с полки две банки пива, одну подал гостю.

— Сыщик?

Стив вынул из бумажника визитную карточку, отпечатанную сегодня утром, и показал.

Мужчина нахохлился.

— Значит, один из этих... Ну, и что же она натворила?

Стив пожал плечами.

— Я думаю, обычный промысел. Трюк с порванной пиджамой. Только на этот раз ничего не вышло.

— Как это? А ты этим занимаешься? — Мужчина вынул сигарой. — Ну ладно, иди занимайся этим делом.

— Не боитесь полиции?

Мужчина громко рассмеялся.

— Что за чепуха, браток. Ты же частный сыщик. Все будет тихо. Так иди и занимайся своим делом спокойно. Даже если бы сюда притащилась полиция, меня это не волнует. Иди в любую комнату. Полиция не беспокоит Джейка.

Стив не отводил взгляда от мужчины. Тот, похоже, разговаривался.

— Я ведь добрый. Никому не мешаю. Ни во что не суюсь...

— У тебя большие руки. Ты мог это сделать.

— Что?

— Да, — тихо повторил Стив. — Может быть, ты и не виноват, но с такими руками тебя не оставят в покое.

Мужчина допил пиво, бросил банку в корзину под раковиной и повернулся левым боком к Стиву.

— Что-то я никак не пойму... Что ты хочешь навесить на меня? Я же...

— Хватит, — сказал Стив. — Ее задушили. Она там, в комнате, под кроватью. Ее задушили где-то в середине утра. Большими руками, как у тебя.

Мужчина так доважно вытаскил пистолет, словно тот вырос у него из руки.

Стив нахмурился, но не двинулся с места.

— Ты лихой парень, но лучше быстро все расскажи.

Стив спокойно сказал:

— Я постучал. Никто не ответил. Замок был простым. Я вошел. Там не было никаких следов борьбы. Нашел ее, когда хотел уходить. Она лежала под кроватью. Мертвая. Мистер Стоянофф, уберите «пушку». Полиция же вас не беспокоит!

— И да, и нет, — проговорил мужчина. — Иногда у меня бывают неприятности. Ты что-то сказал насчет моих рук?

Стив отрицательно мотнул головой.

— Нет. Это я просто так. У нее на шее следы ногтей, а у вас ногти очень коротко обкусаны. Так что вы им при чем.

Мужчина поблдедел, на лбу у него выступил пот. Тут за дверью послышался стук. Скрип качалки прекратился, и прощальный голос женщины прокричал:

— Эй, Джек! Тут пришли!

Мужчина насторожился.

— Эта карга не может сдвинуться с места, даже если дам загорится.

Он вышел и замкнул дверь снаружи.

Стив быстро осмотрел кухню. Над раковиной было маленькое окошко и больше никаких дверей. Он взял свою визитную карточку и сунул ее обратно в карман. Потом достал из кобуры под мышкой короткоствольный пистолет.

В этот момент за стеной прогремели выстрелы. Стив отступил и пнул ногой в дверь. Она не поддавалась. Стив ругнулся, отошел подальше и со всего маху ударил плечом в дверь. На этот раз она распахнулась, и Стив оказался в комнате. Женщина сидела в кресле-качалке и, вытянув шею вперед, прислушивалась.

— Стреляют, — произнесла она. — Где-то рядом. Кажется, в аллее.

Стив выскочил в коридор.

Мужчина еще стоял на ногах в дюжине футов от Стива. Он держался за стену и смотрел на дверь, выходящую на подъездную аллею. Пистолет лежал у его ног. Одна из дверей открылась, и из нее выглянуло женское лицо. Тут же дверь захлопнулась, и из комнаты загремело радио. Мужчина напустился на четвереньки и пополз по коврику. Потом он остановился и вообще перестал двигаться. Стив сорвался с места и выбежал на подъездную аллею. Метрах в трехстах за деревьями мелькнул силуэт набиравшего скорость серого автомобиля. Стив поднял пистолет, прицелился, но в этот момент машина повернула и скрылась из вида. Он вышел на тротуар и уже не спеша двинулся в сторону небольшого кафе. Вошел туда и заказал кофе. Через некоторое время послышалась полицейская сирена.

БИЛЛ Докери, распорядитель клуба «Шалотт», стоял в неосвещенном проходе в обеденный зал и зевал. По-настоящему клуб еще не начал работать. Время для ужина не пришло. Большая игра пойдет позже. Клуб «Шалотт» был игорным заведением высокого класса.

Когда швейцар впустил Стива Грейса, Докери не спеша пошел через вестибюль встретить гостя.

Стив остановился и оглядел шикарный интерьер фойе.

— Чем могу служить? — спросил Докери.

— Кинг Леопарди здесь?

— А-а, солист оркестра? У него завтра первое выступление.

— Я подумал, что он уже здесь, репетирует, готовится.

— Вы его знакомый?

— Я его знаю. Только я не ищу работу, если вы об этом.

Докери покачался на пятках. У него начисто отсутствовал слух, и имя Леопарди для него значило не больше, чем горсть семечек.

— Я видел его недавно в баре, — сказал Докери, слегка улыбнувшись и показывая направление своим мощным квадратным подбородком.

Стив прошел в бар. Помещение было заполнено на одну треть. В зале неярко, тепло и уютно. В арке играл небольшой оркестр. Танцевальной площадки не было. У длинной стойки стояли удобные стулья, неподалеку находились небольшие круглые столики. С трех сторон у стен располагались мягкие сидения. Между столиками, как мотыльки, порхали официанты.

Леопарди сидел в углу с девушкой. Девушка была сногшибательной. Огненно-рыжие волосы, а на них под невероятным углом черно-бархатный берет с двумя искусственными розочками. Темно-красное шерстяное платье, на плече — чернобурая лиса. В ее больших серо-голубых глазах проглядывала скука.левой рукой в перчатке она покрывала рюмку, стоящую на столе.

Леопарди сидел прямо напротив девушки и, наклоняясь вперед, что-то ей говорил. В старом кремовом спортивном костюме он выглядел еще шире и мощнее.

Стив приблизился к их столику. Это движение привлекло внимание Леопарди. Он повернулся, в глаза его появилась раздражение. Опершись обеими руками на стол, Леопарди с видимым усилием привстал. Театрально коснувшись тонких усов, отчетливо произнес:

— Ты — сукин сын!

Мужчина за ближайшим столиком повернул голову в сторону Леопарди и нахмурился. Официант, направлявшийся к Стиву, остановился и отступил. Девушка за столиком Леопарди посмотрела на Стива, затем откинулась на мягкую спинку и закурила сигарету.

Стив не двигался, на щеках его вспыхнул румянец. Он тихо сказал:

— Ты кое-что забыл в отеле. По-видимому, тебе надо что-то с этим делать. Вот, возьми.

Леопарди взял из протянутой Стивом руки листок с наклеенными кусочками бумаги, прочел его, смял и бросил на пол. Потом сделал шаг к Стиву и громко повторил:

— Сукин сын!

Мужчина, который только что хмурился, резко поднялся и сказал:

— Мне не нравится, когда так выражаются в присутствии моей жены.

— Пошел к черту вместе со своей женой! — сказал ему Леопарди, даже не повернувшись.

Мужчина покраснел. Его жена вскочила, схватила сумочку и пальто и быстро вышла. Мужчину после недолгого колебания последовал за ней. Официант быстро вышел в фойе.

Леопарди коротко размахнулся и ударил Стива в челюсть. Стив покачнулся от удара и отступил, опершись рукой о столик и, опрокинув при этом фужер. Он повернулся, чтобы извиниться перед сидевшей за столиком парой, но Леопарди быстро прыгнул вперед, и Стив содрогнулся от удара.

В бар вошел Докери и направился в их сторону. Стив охнул, увернулся, успев крикнуть Леопарди:

— Постой, ты, идиот. Это еще не все. Там...

В это мгновение Леопарди быстро приблизился и нанес еще один удар. Кровь потекла из разбитой губы Стива. Рыжеволосая девушка взяла свою сумочку и начала вставать. Леопарди повернулся и пошел к выходу. Докери вытянул руку, пытаясь остановить его, но тот отшвырнул руку и вышел из бара. Девушка снова положила сумочку на стол. Она посмотрела на Стива и спокойной сказала:

— Вытрите кровь на подбородке, а то она испачкает вам рубашку.

Докери подошел к Стиву, взял его за руку и попытался потянуть за собой.

— Пройдемте!

Стив стоял и смотрел на девушку. Докери не сдвинул его ни на дюйм. Стив достал носовой платок, вытер кровь и, повернувшись лицом к людям за соседним столиком, сказал:

— Я очень сожалею. Потерял равновесие.

Девушка, чей фужер опрокинул Стив, вытирала салфеткой платье. Она улыбнулась Стиву и сказала:

— Вы не виноваты.

— Вы ударили его? — спросил Докери.

— Нет, — ответил Стив.

— Вы ему что-то сказали, из-за чего он вас ударил?

— Нет.

Рыжеволосая девушка наклонилась за упавшим платком. Она долго его поднимала, а потом снова села за стол.

— Все правильно, Билл, — сказала она спокойно, обращаясь к Докери. — Просто Кинг опять показал свою любовь к публике.

— Он ударил меня три раза, — сердито сказал Стив, глядя на Докери, — и не получил сдачи. Ты бы выдержал такое?

Докери оценивающе посмотрел на Стива.

— Убедил. Я бы не выдержал! — Докери улыбнулся девушке. — Мы не любим шума. — Он поправил гвоздику в петлице и ушел.

СТИВ приложил платок к губе и стал шарить глазами по полу.

— То, что вы ищите, у меня в платочке, — сказала рыжеволосая девушка. — Не хотите присесть?

В ее голосе было что-то запоминающееся. Стиву показалось, что он уже слышал этот голос раньше.

Стивсел напротив девушки.

— С меня причитается. Я ведь была с ним, — сказала девушка и позвала официанта.

— Кока-колу и рюмку горького ликера, — заказал Стив. Официант повернулся к рыжеволосой:

— Мадам?

— Бренди с содовой.

Официант кивнул и ушел.

— Кока-колу и немного ликера, — передразнила девушка. Стив посмотрел ей в глаза и тихо сказал:

— Я очень редко пью. Я не отношусь к тем, кто хочет выпить кружечку пива, а приходит в себя где-нибудь в Сингапуре через пару месяцев.

— Я не верю ни одному вашему слову. Вы давно знаете Кинга?

— Со вчерашнего вечера. У меня с ним не ладится.

— Это я поняла.

Она засмеялась низким приятным смехом.

— Отдайте мне эту бумагу, леди.

— У, какой вы нетерпеливый. У нас много времени. Вы не снимаетесь в кино?

— Еще чего?

— Я тоже. Слишком высокая. Мужчинам приходится вставать на ходули, чтобы обнять меня.

Официант принес напитки и ушел.

— Отдайте мне эту бумагу, леди, — упрямо повторил Стив.

— Мне не нравится ваша «леди». Как будто вы разговариваете с копом*.

— Я не знаю вашего имени.

— А я — вашего. Где вы познакомились с Леопарди?

Стив вздохнул. Прислушался к оркестру.

— Ми — на полтона ниже. Странный эффект.

Девушка посмотрела на него с интересом.

— Я бы никогда не обратила на это внимания. Хотя я и неплохая левиза. Но вы не ответили на вопрос.

— Вчера вечером я работал детективом в отеле «Карлтона». Они называли меня ночным служащим, но я был детективом. Там остановился Леопарди. Он сильно разошелся, а я его вышвырнул. А меня уволили.

— Теперь я начинаю понимать. Но вы не назвали своего имени.

Стив достал из бумажника одну из визитных карточек и подал девушке. Она взяла ее и, отпив из рюмки, прочла.

— Хорошее имя, — сказала она, — но адрес не очень хороший. И «частный детектив» — тоже не очень хорошо. Надо, чтобы в нижнем углу было мелко написано: «Расследование дел».

— Ладно. Только отдайте мне, пожалуйста...

Собеседница развернула носовой платок и вынула скопанный листочек бумаги.

— Разумеется, я не читала, но мне бы хотелось. Я надеюсь, вы достаточно доверяете мне, — она взглянула на карточку, — Стив.

Он усмехнулся.

Девушка положила визитку в сумочку, стряхнула невидимую пылинку с лисицы и в последний раз пригубила бренди.

— Мне пора идти. — Она подозвала официанта и рассчиталась, потом поднялась.

— Сядьте, — резко сказал Стив.

Она удивленно посмотрела на него. Потом села, откинувшись на спинку. Стив склонился к ней через стол и спросил:

— А вы хорошо знаете Леопарди?

— Иногда встречаемся. Если вам это интересно. Только, ради бога, не изображайте из себя умника. Я таких терпеть не могу. Когда-то я пела для Леопарди, но не очень долго. Для него нельзя долго просто петь, вы понимаете, о чем я.

— Вы с ним пили.

— Да. Он здесь будет выступать с завтрашнего дня. Хотел, чтобы я снова пела. Но я отказалась, хотя мне, наверное, придется петь с ним неделю или две. У владельца этого клуба со мной контракт.

— Уолтерс, — произнес Стив. — Говорят, он хваткий. Я с ним не знаком, но хотелось бы встретиться. В конце концов, мне надо на что-то жить. Вот, читайте.

Он бросил на стол смятый листок.

— И скажите заодно свое имя.

— Долорес Чозза.

— Мне нравится, как вы поете. Я много слышал ваших песен.

Девушка развернула листок и прочитала его.

— А кто его порвал?

— Думаю, Леопарди. Клочки валялись в его номере, в корзине для бумаг. А он смелый парень, если не обращает внимания на такие записки.

— Или решил, что это блеф, — сказала она и, свернув листок, вернула его Стиву.

— Может быть. Но если он такой, как я о нем слышал, то тот, кто написал записку, тоже не из трусливых. Он собирается не просто тряхнуть Леопарди.

— Леопарди такой, как вы о нем слышали.

— Женщине было бы не очень трудно к нему подобраться, да? Женщине с пистолетом.

— Да. И любой бы ей помог. Так что забудьте про все. Если Леопарди потребует охрана, Уолтерс даст людям больше, чем полиция. А если ему этого не нужно, то кому какое дело?

— Вы и сами не слабая, мисс Чозза.

Она промолчала. Лицо ее побледнело и посуровело.

Стив допил свой бокал, взял шляпу и встал.

— Спасибо за угощение, мисс Чозза. Теперь, когда я с вами познакомился, я буду с еще большим нетерпением ждать ваших песен.

— Что это вдруг так официально? — спросила она.

Он ухмыльнулся.

— Пока, Долорес.

— Пока, Стив. Удачи в вашем деле. Если я что-нибудь услышу...

Стив повернулся и вышел из бара.

ОГНИ Лос-Анджелеса сверкали и подмигивали Стиву, когда он выводил свой автомобиль со стоянки. Световые столбы прожекторов шарили по осеннему небу, как будто искали вражеские бомбардировщики. Стив проехал несколько кварталов, вышел из машины и купил вечернюю газету. В ней ничего не было о трупах в доме сто восемнадцать по Корт-стрит. Стив поужинал в небольшом кафе и пошел в кинотеатр, находившийся рядом с его гостиницей. После кино купил выпуск «Трибуна» и на последней странице нашел нужную информацию.

Полиция предполагала, что Стоянофф мог задушить девушку. Сообщалось, что она стенографистка, но в данное время не имела постоянной работы. Фотографии девушки в газете не было, только небольшой, похоже, отретушированный снимок Стояноффа. Полиция искала мужчину, который беседовал с управляющим как раз перед тем, как его застрелили. Несколько человек сообщали, что это был высокий мужчина в темном костюме. Это было все, что удалось узнать полиции.

Стив кисло улыбнулся, зашел в кафе выпить чашку кофе, а потом поднялся в свою комнату. Время подходило к одиннадцати. Когда он открывал дверь, зазвонил телефон.

Стив, не включая свет, прошел прямо к аппарату, снял ступа и снял трубку.

— Алло?

— Это Стив? — спросил низкий знакомый голос.

— Да, Стив. Я узнал вас. Слушаю.

— Вы станете детективом, в конце концов. И я дам вам первое задание. Вы не можете приехать ко мне? Только срочно. — Долорес назвала район, улицу и номер дома.

— Конечно, — ответил Стив. — А что случилось?

После паузы голос медленно сказал:

— Леопарди. Я никак не могу от него избавиться. Он... ему стало плохо в моей спальне.

Стив со всей силы сжал трубку и сухо проговорил:

— Понял. Это будет стоить двадцать долларов.

— Конечно. Только, пожалуйста, побыстрей.

Стив повесил трубку и несколько мгновений сидел в телефоне, тяжело дыша. Потом сдвинул шляпу на лоб и громко расхохотался.

— Черт! Что за дамочка!

ДВЕРЬ открыла девушка в короткой юбке, ажурных чулках и туфлях на высоченных каблуках.

— Проходите, пожалуйста. Присаживайтесь в кресло.

Девушка ушла. Стив сел, снял шляпу и положил ее на колени.

Через минуту, улыбаясь искусственной улыбкой, в комнату вошла Долорес Чозза, одетая в зеленую бархатную юбку.

Когда она приблизилась, Стив встал и сказал:

— Привет.

Она подошла к камину и дернула за шнурок. В комнату вошла девушка.

— Агата, принеси лед, а потом возжай домой.

* Коп (иронич., пренебр.) — полицейский (Прим. пер.).

— Да, мэм.

Долорес рассеянно достала сигарету. Стив чиркнул спичкой и поднес огонь. Она прикурила, глядя ему в глаза. Голова ее слегка дрожала.

Горничная вернулась с ведерком льда. Она раскрыла небольшую раскладной столик, поставила на него ведерко, сифон, стаканы и бутылку виски.

Стив налил две порции и подал одну Долорес. Она взяла высокий стакан, сделала небольшой глоток.

— Странно, что я позвонила вам, а не Уолтерсу. Он бы защитил меня лучше вас. Только он бы мне не поверил. Я не приглашала Леопарди. Насколько мне известно, только мы двое знаем, что он здесь.

Что-то в ее голосе заставило Стива выпрямиться.

Долорес достала платочек, выронила его, подняла, поднесла к губам и вдруг беззвучно затряслась.

— Черт побери! — Зло проговорил Стив. — Я его быстро приведу в чувство. Вчера же привел. А у него был пистолет, и он стрелял в меня.

— Но тогда у него был не мой пистолет, — сказала Долорес упавшим голосом.

— Х-м! Конечно, нет. О чем вы..

— А сегодня у него мой пистолет. Он не пьян, Стив, он мертв. Он лежит на моей кровати в желтой пижаме. В руке у него мой пистолет.

Стив замер, молча глядя на нее. Наконец, он выговорил в грудом:

— Пойдемте, посмотрим.

С ПАЛЬНЯ находилась в задней части дома, с левой стороны. Долорес достала из кармана ключ и отомкнула дверь. На столе горела лампочка, жалюзи были опущены.

Леопарди лежал на спине посредине постели. Желтая неподвязанная пижама сбилась, почти не закрывала тело. В свете ночника лицо выглядело восковым. На груди было темное кровавое пятно.

— Ему нравилось желтое, — произнес Стив бесцветным голосом, не отрывая взгляда от мертвого Леопарди. — Я складывал его чемодан в отеле. Но сам он не был желтым.*

Долорес прошла в угол и села на стул. Стив приблизился к кровати и осмотрел рану. Прямо над сердцем. Крови не очень много. Леопарди умер почти мгновенно. Небольшой автоматический пистолет зажат в правой руке, которая лежала на подушке.

— Вы уверены, что это ваш пистолет?

— Да. — Долорес смотрела в пол. — Он лежал в столе в гостиной, незаряженный. Я не знаю, откуда взялись патроны. Этот пистолет мне кто-то дал. Я даже не знала, как его заряжать.

Стив улыбнулся. Она медленно подняла на него глаза, увидела его улыбку и передернулась.

— Я знаю, что мне никто не поверит. Надо, наверное, вызвать полицию.

Стив достал сигарету, закурил.

— Нет. Пока не надо. Расскажите все по порядку.

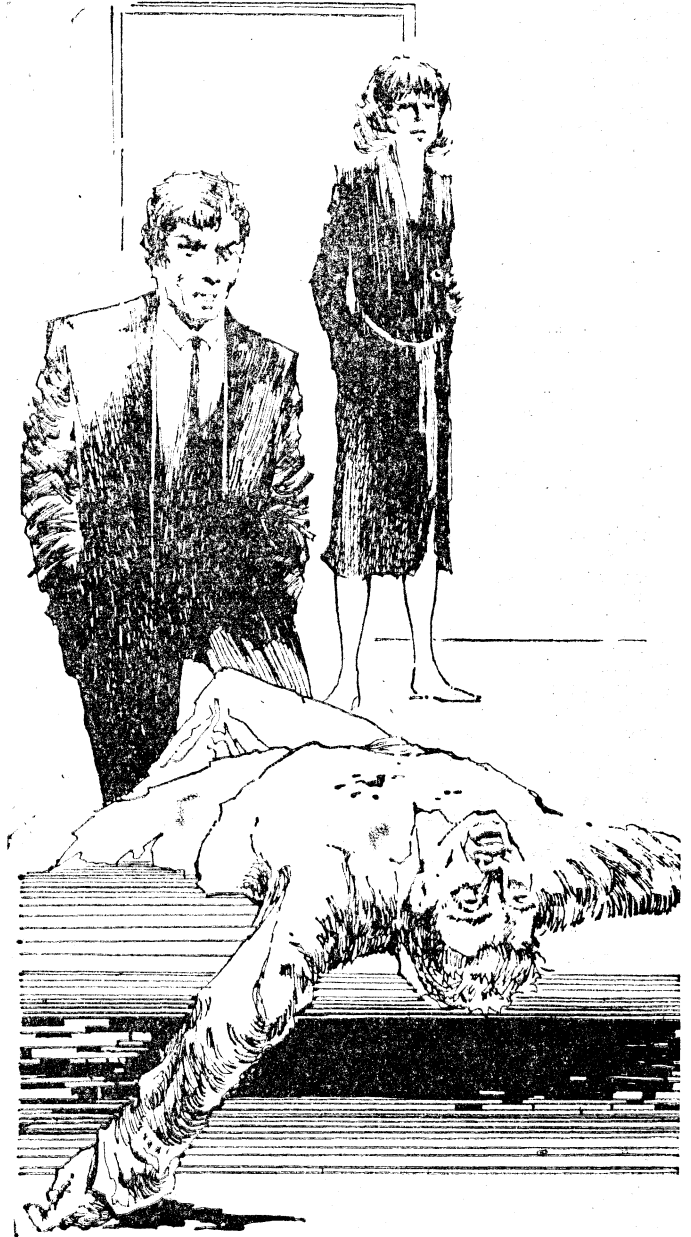
— Я пою на радио. Три вечера в неделю. Это вечерняя программа для автолюбителей. Агата привезла меня сюда уже около половины одиннадцатого. У двери я вспомнила, что в доме кончилась содовая и послала Агату в магазин, это в трех кварталах отсюда. Домой я вошла одна. Здесь стоял странный запах. Как будто в доме побывало несколько человек. Когда я вошла в спальню, он лежал на кровати. Я увидела свой пистолет и поняла, что пропала. Я не знала, что делать. Даже если полиция докажет мою невиновность, моя карьера —

— Уж он сюда попал? — спросил Стив.

— Не знаю. Я разделась и пошла в душ, чтобы хоть как-то собраться с мыслями. Спальню я заперла на ключ. К тому времени вернулась Агата. Я немного вытирала и позвонила вам.

— Домашняя прислуга бывает очень любопытной. Ваша Агата как раз из таких, или я ошибаюсь в людях, — Стив прошел к двери и посмотрел на замок. — Кинг любия вас? — спросил он как бы между прочим.

— Он никогда не любил ни одной женщины, — ответила Долорес резко, почти сердито. — Пару лет тому назад в Сан-

Франциско, когда я пела в его оркестре, о нас с ним многое говорили и писали. Но все это было ложью. А здесь опять об этом заговорили, чтобы привлечь побольше внимания. Я ему сегодня об этом сказала. Мне не нравится. Его личная жизнь — сплошная грязь. Об этом все знают.

— Значит, он не завоевал вашу спальню?

— Она покраснела до корней волос.

— Это звучит не очень прилично, — сказал Стив, — но мне надо знать причины.

— Да, конечно. Я понимаю. Я не убивала его и не приглашала сюда. И не знаю, почему он пришел. Но здесь что-то не так. Леопарди не из тех, кто кончает с собой и со своей прекрасной жизнью.

— Все верно, — сказал Стив. — Его убили. Здесь все подстроено, чтобы скрыть от Уолтерса. Ладно, идите в комнату и выпейте немного.

Стив подождал, пока Долорес вышла, потом достал носовой платок, вытащил пистолет из руки Леопарди, тщательно вытер его, вынул магазин, достал оттуда патроны и тоже вытер. После этого он снова вложил пистолет в руку Леопарди и оксал ее. Отыскав в постели стреляную гильзу, протер и положил на место. Затем подошел к платяному шкафу.

* Желтый (англ. разг.) — трусливый (Прим. пер.).

— С одеждой надо бы поаккуратней, — пробормотал он. Кремовый пиджак висел на крючке поверх серых брюк с кожаным ремнем. Желтая сорочка и темно-красный галстук висели рядом. Из нагрудного кармана пиджака дюйма на четыре торчал платок в тон галстуку. На полу стояли темно-коричневые кожаные туфли. Здесь же, свернутые, лежали желтые атласные шорты с инициалами на боку.

СТИВ пошарил в карманах брюк и вытащил кожаный футляр с ключами. Он вышел из спальни и прошел в кухню к задней двери. Там в замке торчал ключ. Стив вытащил его и попробовал вставить в замок ключи Леопарди. Ни один из них не подошел. Тогда Стив прошел в гостиную и, не обращая внимания на Долорес, которая сидела на диване, направился к входной двери. Один из ключей Леопарди подходил к замку. Стив вернулся в спальню, положил ключи в карман и пошел в гостиную.

Долорес по-прежнему сидела на диване. Стив повернулся спиной к камину и затанул с сигаретой.

— Значит, у него был ключ. Я правильно поняла? — спросила Долорес.

— Да. Агата давно у вас работает?

— Около года.

— Что-нибудь крадет? Ну, по мелочам?

Долорес устало пожала плечами.

— Наверное. Это ведь не считается воровством. Коробочка на пудры, помада, пара чулок.

— Смотря для кого... Что-нибудь еще про нее можете сказать? Наркотики? Спиртное?

— Не думаю. А почему вас это интересует, Стив?

— Леди, она продала кому-то ключ от вашего дома. Это же ясно.

— Стив, мы теряем время. Надо вызвать полицию. Мне уже никто не поможет. Они решат, что была любовная ссора, и я его убила. Даже если я докажу, что не убивала, все равно мне конец.

— Мы пойдем к Уолтерсу, вернее, вы пойдете. Он сам позвонит полицейским, но таких, которые все сделают без шума. Уолтерс сможет все устроить как надо. А я пока найду Агату. Мне надо узнать, кому она продала ключ, и как можно скорей. Кстати, не забудьте, что вы должны мне двадцать долларов.

Долорес встала и слегка улыбнулась.

— А почему вы уверены, что его убили?

— Потому что он не в своей пижаме. На его пижаме инициалы. Я сам видел, когда укладывал чемодан в «Карлтоне». Ну, все. Одевайтесь и дайте адрес Агаты.

Стив вернулся в спальню и накинул на Леопарди простыню.

— Прощай, парень, — проговорил он тихо. — Ты был скверным малым, но в тебе жила музыка.

СТИВ поднялся по ступенькам и постучал в дверь. Понеслись шаги, и дверь открылась. На него смотрела женщина в накинутом на плечи пледе и стоптанных тапочках. В глубине комнаты у стола сидел абсолютно лысый мужчина. Он даже не посмотрел в сторону двери.

— Я от мисс Чоззы. Вы — мать Агаты?

— Да. Но ее нет дома, мистер.

Мужчина в комнате достал платок и громко высморкался. — Мисс Чозза плохо себя чувствует и хочет, чтобы Агата осталась с ней на ночь.

Мужчина хмыкнул, а женщина сказала:

— Мы не знаем, где она. Она не приходит домой.

— Она дошляется, — тонким голосом проговорил мужчина, — пока ее не поймает полиция.

Женщина как-то странно задержалась:

— Не обращайтесь внимания. Папа просто устал и немного нервничает. Может, войдете?

— Извините, некогда. Мне нужно ее найти. Где она может быть?

— В баре пьет с каким-нибудь прощельгой! — тем же тоном заметил мужчина. — Кошка скребет на свой хребет.

Стив попрощался и пошел к машине. Он окинул взглядом улицу и уже взялся за ручку двери, как вдруг отошел шага на три и посмотрел на дом через дорогу.

В окне висел плакат «Сдается в наем». Дом выглядел необитаемым и заброшенным, но на подъездной дорожке стоя-

ла небольшая черная машина с потушенными огнями.

— А вдруг? — сказал он тихо. — Надо проверить, Стив.

Он осторожно пересек улицу, сунув руку в карман и зажав рукоятку пистолета, сзади подошел к машине. Остановился, прислушался, огляделся по сторонам. Приблизился к опущенному переднему стеклу и заглянул внутрь.

Девушка сидела почти естественно. Красная шляпка, серое пальто, отороченное мехом. Только рот у нее был открыт, и из него торчал язык.

Стив не стал трогать ее. Ему незачем было это делать. Он знал, что на шее у нее он увидит темные лиловые пятна. Он отступил к дереву. Улица была совершенно пустынной.

Отъехав на приличное расстояние, Стив вылез из машины. Вошел в вестибюль супермаркета и оттуда позвонил в полицию. Сообщил, что обнаружил труп в машине, назвал адрес и повесил трубку.

КВИЛЛАН, помощник управляющего отелем «Карлтоне», дежурил ночью. Ночной портье Миллар уехал на неделю в отпуск.

Массивная, обитая по краям медью дверь отеля открылась, в нее вошел Стив Грейс. На нем было летнее пальто с поднятым воротничком и низко надвинутая шляпа. Он прошел к мраморной конторке и похлопал по ней ладонью.

— Проснись!

Квиллан, не открывая глаз, сказал:

— Привет, Стив. Значит, тебя уволили. И несправедливо. Вот так в жизни и бывает.

— Ладно. Вы взяли кого-нибудь вместо меня?

— Нам не нужно. И, по-моему, никогда не нужно было.

— Скоро понадобится, если такие старые работники, как ты, будут размещать шлюшонек рядом с известными музыкантами.

Квиллан чуть приоткрыл глаза и безразличным тоном сказал:

— Только не я, дружище. Но здесь любой может ошибиться. Миллар ведь бухгалтер, а не портье.

Стив закурил и облокотился на конторку.

— А почему Леопарди поселили в четырехдолларовом номере на восьмом, вместо отдельного люкса в башенке?

— Не я размещал Леопарди, — ответил Квиллан, улыбаясь. — Номер был зарезервирован. Некоторым не нравится тратиться. Есть еще вопросы, мистер Грейс?

— Да. Восемьсот тринадцатый был свободен вчера вечером?

— Там что-то ремонтировали, поэтому номер был занят. Что-то с кранами в ванной.

— А кто записал, что в номере ремонт?

В глазах Квиллана появилось любопытство. Он не ответил.

— Я почему спрашиваю, Леопарди был в восемьсот тринадцатом, а две девицы в восемьсот одиннадцатом. Между ними был только восемьсот тринадцатый. Любой, у кого была отмычка, мог открыть двери между номерами, и тогда у них бы получился «люкс».

— Ну и что? — спросил Квиллан. — Мы обеднели на несколько долларов? Подумаешь. Такое случается и в лучших отелях.

В его глазах снова пропал интерес.

— Это мог устроить Миллар, — сказал Стив. — Но зачем? Миллар не такой человек, чтобы рисковать из-за мелочевки.

— Да что у тебя на уме? — спросил Квиллан. — Ну-ка, выкладывай, сыщик.

— У одной девицы из восемьсот одиннадцатого был пистолет. А Леопарди получил письмо с угрозой. Он его порвал. Поэтому я о нем и знаю. Я собрал по кусочкам. Ребята Леопарди уже тоже выехали?

— Конечно, они переехали в «Нормандию».

— Позвони в «Нормандию» и позови Леопарди. Если он там, то наверняка до сих пор пьет.

— А зачем? — спросил Квиллан.

— А затем, что ты — хороший парень. Если Леопарди ответит, повесь трубку. А если он куда-нибудь ушел, постарайся выяснить, куда.

Квиллан выпрямился, посмотрел на Стива долгим взглядом и пошел за перегородку к коммутатору. Стив стоял, не шевелясь, и прислушивался.

Минуты через три Квиллан вернулся и сказал:

— Его там нет. У них какая-то вечеринка в его «люк-се». Один нашелся трезвый. Он объяснил, что Леопарди позвонила какая-то девушка. Он пошел довольный, намекая, что отличню проведет время.

— Ты — настоящий друг, — сказал Стив. — Мне ужасно хочется рассказать тебе остальное. Ну, ладно. Мне нравилось здесь работать.

Стив повернулся и пошел к выходу. Он уже потянулся к ручке двери, когда Квиллан позвал его. Стив вернулся.

— Я слышал, Леопарди в тебя стрелял, — сказал Квиллан. — Но, по-моему, этого никто не заметил. Нигде об этом ничего не записано. Питерс все это понял, только когда увидел в восемьсот пятнадцатом разбитое зеркало... Если задумаешь вернуться, Стив...

— Спасибо за мысль.

— Кстати, о выстреле, — сказал Квиллан. — Я вспомнил, что два года тому назад в восемьсот пятнадцатом застрелилась одна девушка.

Стив подпрыгнул.

— Какая девушка?

— Не знаю. Не помню, как ее звали. Ей что-то не везло, и она решила хотя бы умереть на чистой постели, в одиночестве.

Стив взял Квиллана за руку повыше локтя.

— Гостиничный архив, — произнес он. — Газетные вырезки, в них должно быть все написано. Мне их необходимо прочитать.

Квиллан посмотрел на Стива долгим любопытным взглядом, а потом сказал:

— Не знаю, что за игру ты затеял, но это — опасная игра. А мне все равно надо скоротать ночь.

Он нажал на кнопку в столе. Дверь комнаты ночного носильщика у лифта открылась, и из нее вышел Карл. Он улыбнулся и кивнул Стиву.

— Заменяю меня, Карл. Я ненадолго зайду в кабинет мистера Питерса.

ДОМ был высоко в горах, на склоне, рядом с густым кустарником. Он был сложен из бревен, а над крышей торчала кирпичная труба. Крыша была зеленой, а стены темно-кирпичного цвета. Соседние дома находились в приличном отдалении и терялись в пред-рассветной дымке.

Стив подъехал, не включая фар. Было пять утра. Он вылез из машины и бесшумно пошел по обочине. Слева стоял бревенчатый гараж. Он не был заперт, и от него вела дорожка к крыльцу дома. Стив осторожно открыл дверь гаража и вошел. Он на ощупь двинулся вперед и наткнулся на автомобиль, радиатор был еще теплым. Стив достал маленький фонарик и осветил. Машина серого цвета. Горючее почти на нуле. Он осторожно вышел из гаража и направился к дому.

За красными шторами горел свет. Стив поднялся на крыльцо, глубоко вздохнул и постучал. Другой рукой он нащупал рукоятку пистолета во внутреннем кармане пальто.

Скрипнул стул, послышались шаги, а потом из-за двери раздался голос Миллара:

— Кто там?

— Джордж, это я, Стив. Ты уже проснулся?

Повернулся ключ, дверь открылась. Миллар, ночной портье отеля «Карлтон», сейчас не выглядел элегантным. На нем были старые брюки, толстый синий свитер, шерстяные носки и теплые, отделанные овчиной тапочки. В комнате в две лампы светила люстра. Настольная лампа тоже горела и освещала удобный мягкий стул. В камине голубоватое пламя перебегало по толстому поленьям.

— Черт побери, Стив. Рад тебя видеть, — сказал Миллар низким бархатным голосом. — Как это ты нас нашел? Заходи!

Стив вошел, а Миллар закрыл дверь на ключ.

— Городская привычка. Здесь-то никто не запирается. Да ты садись. Погрей ноги. В горах ночью зябко.

— Ага, — ответил Стив и сел на стул, положив шляпу на край крепкого деревянного стола. Он наклонился вперед и протянул к огню руки.

— Как же ты умудрился найти нас, Стив?

— Это было не так уж легко, — ответил Стив, не глядя на Миллара. — Помнишь, ты говорил в стеле, что у брата в горах есть домик. В Крестлайне, в гостинице, владелец не знал, у кого где домик. Я позвонил в гараж, но владелец не знал ни-

какого Миллара. А потом я наткнулся на человека на дровяном дворе. Он оказался лесником, помощником шерифа, бензоуправщиком и еще кем-то там. Короче, как только я сказал, что твой брат был боксером, он мне сразу все объяснил.

Миллар потеревил себя за усы. Где-то скрипнула кровать.

— Конечно, брат все еще пользуется своим спортивным псевдонимом — Гофф Талли. Я его сейчас разбужу, и мы сварим кофе. Ты, как и я, привык не спать по ночам. Я сегодня даже не ложился.

Сзади послышался грубый хриплый голос:

— Гофф проснулся. Это твой приятель, Джордж?

Стив встал и повернулся. Он смотрел на руки мужчины. Не мог удержаться. Руки были большие, чистые, но грубые и страшные, с толстыми и заостренными ногтями. Одна костяшка сильно разбита. На лице Гоффа виднелись шрамы, переносица, как у большинства боксеров, перебита.

— Это Стив Грейс, наш ночной дежурный... до вчерашнего дня.

Гофф Талли подошел и пожал руку.

— Рад познакомиться. Я сейчас поставлю какую-нибудь музыку, а потом мы позавтракаем. Я уже выспался. А Джордж совсем не ложился.

Он направился к двери, из которой вышел. Там он остановился, облокотился на старый фонограф, положив свою большую руку на кипу пластинок.

— Куда-нибудь устроился, Стив? — спросил Миллар. — Или еще не искал?

— Да как сказать... Я, конечно, не профессионал, но хочу попробовать поработать частным детективом. Правда, без хорошей рекламы ничего не выйдет. — Стив помолчал. — Кинга Леопарди ухлопали, — произнес он тихо, почти шепотом.

Миллар открыл рот и простоял так почти целую минуту. Гофф Талли прислонился к стене и безучастно смотрел перед собой.

— Ухлопали? Где? Только не говори, что...

— Не в отеле, Джордж. Плохо, да? В доме одной девушки. Хорошей девушки. Она его не приглашала туда. Имитация самоубийства — только это не пройдет. Эта девушка — моя клиентка.

МИЛЛАР не двинулся с места. Гофф — тоже.

— Я ходил в клуб «Шалотт», хотел извиниться перед Леопарди. Дурацкая идея, я же ни в чем не виноват. Там, в баре, с ним была эта девушка. Леопарди меня ударил несколько раз и ушел. Девушке это не понравилось. Мы разговорились. А вечером она позвонила. Сказала, что у нее Леспарди, и что она не может от него избавиться, потому что он пьян. Я поехал к ней. Только Леопарди не был пьян. Он лежал мертвый на ее кровати.

— Да-а. Ну и дела, — проговорил Миллар. Гофф молчал.

— Только Леопарди был не в своей пижаме, — продолжал Стив. — На его пижаме инициалы. И его пижама атласная, а не шелковая. И хотя в руке он держал пистолет этой девушки, он не застрелился. В полиции это установят точно. Сейчас есть новый метод определения с помощью парафина. Леопарди должны были убить в номере восемьсот пятнадцать. Я все испортил, когда вышвырнул его, и не дал этой девичке с пистолетом добраться до него. Так ведь, Джордж?

— Наверное, — ответил Джордж, — если я понимаю, о чем ты говоришь.

— Ты все понимаешь, Джордж. Было бы романтично и справедливо, если бы Леопарди убили в восемьсот пятнадцатом номере. Именно там застрелилась одна девушка два года назад. Эта девушка записалась под именем Мэри Смит, но на самом деле ее звали Ева Талли, а точнее — Ева Миллар.

— Я, наверное, еще сплю, — сказал Гофф. — Похоже, тут какая-то грязная история. У нас была сестра Ева, она застрелилась в «Карлтоне». Ну и что?

— Послушай, Джордж. Ты мне сказал, что это Квиллан разместил девиц в восемьсот одиннадцатый. Это сделал ты. Ты говорил, что Леопарди остановился на восьмом вместо люкса, потому что не хотел тратиться. Нет, Джордж. Ему просто было наплевать, где его поселят, лишь бы рядом были девицы. И ты это ему устроил. Ты все продумал, Джордж. Ты даже сделал так, чтобы Питерс написал Леопарди в Сан-Франциско и попросил его остановиться в «Карлтоне».

Лицо Миллара было совершенно белым.

— Стив, реди бога! Что ты говоришь? — произнес он упавшим голосом. — Как же я мог...

— Сожалею, — перебил его Стив. — Мне нравилось работать с тобой. Ты мне сам нравился, но я не люблю людей, которые душат женщин или подставляют их, чтобы прикрыть свою месть.

Он хотел было продолжить... и остановился. Гофф вытащил руку из-за пластинок, в ней он держал «кольт» сорок пятого калибра.

— Я всегда считал, что гостиничные сыщики — это дармоеды. Но с тобой я просчитался, — проговорил он сквозь зубы. — У тебя есть мозги. Могу спорить, что ты и на Корт-стрит побывал. Да?

— Да, — ответил Стив. — Я видел ее труп. И следы твоих рук у нее на шее. Ты совершил ошибку, когда убил Агату точно так же. Следы рук сравнят, выяснят, что твоя девица с пистолетом была в «Карлтоне», и все станет ясно.

Миллар облизнул пересохшие губы.

— Стив, мы сделали, что хотели. Может, не очень хорошо, но ведь Леопарди был настоящей гнидой. Мы любили сестру, а он растоптал ее. Она, наивная девчонка, влюбилась в этого попуга, а он бросил ее из-за этой рыжей. Он разбил ее сердце, и она застрелилась

— Значит, из-за этого стоило убивать других людей, впутывать в это дело Долорес. Меня тошнит от всего этого, Джордж. Скажи брату, пусть он продолжает свой пир смерти.

— Все это чепуха, Джордж, — сказал Гофф, усмехнувшись. — Посмотри-ка лучше, есть ли у него «пушка».

МИЛЛАР медленно обошел стол и подошел к Стиву сбоку. Ощупал карманы брюк, потом карманы пальто, достал оттуда пистолет и отошел в дальний угол.

— Тебе крышка, умник, — сказал Гофф. — Ты должен это знать. Из этих гор только два пути, а нам нужно время. А может, ты никому ничего не рассказал, а?

Стив стоял, как скала, лицо его было бледным, уголки губ скрывались в полуулыбке.

— Гофф, другого выхода нет? — спросил Миллар каким-то надтреснутым голосом.

Стив повернул голову и посмотрел на Миллара.

— Конечно нет, Джордж. Вы просто самые обыкновенные дешевые убийцы, тупые садисты, одержимые манией мести. Вы просто ничто, два куска гнилого мяса.

Гофф Талли засмеялся и взвел большим пальцем курок своего револьвера.

— Помолись, умник, — сказал он.

— Почему ты думаешь, что застрелишь меня? — сказал Стив мрачно. — Твой пистолет разряжен. Тебе лучше задумать меня, как этих женщин.

Гофф взглянул на свой револьвер и громко расхохотался.

— Этот дешевый трюк не пройдет. Смотри!

Он опустил пистолет в пол и нажал на спусковой крючок. Раздался щелчок. Лицо Гоффа исказила гримаса.

Одно мгновение никто не двигался. Потом Гофф медленно повернулся и посмотрел на брата.

— Ты, Джордж?

Миллар слотнул и облизнул губы.

— Я, Гофф. Я видел в окно, как Стив выходил из машины и заходил в гараж. Хватит убивать, Гофф. Я вытащил патроны из твоего револьвера.

Миллар взвел курок револьвера Стива, Гофф, вытаращив глаза, смотрел на пистолет. Потом, замахнувшись своим лустым «кольтом», бросился всем телом на брата. Миллар тихо произнес: «Прощай, Гофф» и трижды выстрелил, Гофф замер, упал на колени, схватился за живот и медленно проговорил:

— Правильно, малыш... Я думаю... думаю...

Голос его задрожал и стих. Стив сделал три больших шага и ударил Миллара в челюсть.

Миллар отлетел к стене, пистолет выскочил у него из руки. Стив быстро наклонился и поднял пистолет. Миллар, согнувшись, смотрел на брата.

Гофф Талли уронил голову, медленно лег на пол и затих.

Стив произнес:

— Ты спас мне жизнь, Джордж, или, по крайней мере, избавил от лишней пальбы. Я рисковал, потому что мне нужны были доказательства. Сядь за стол и напиши обо всем.

— Он умер? — спросил Миллар.

— Умер, Джордж. И ты его убил. Об этом тоже напиши.

— Как странно, — сказал Миллар. — Я хотел прикончить Леопарди сам, когда он на вершине, а потом будь что будет. Но Гофф решил устроить все по-хитрому.

— Садись и пиши, — сказал Стив. — Ты позвонил Леопарди под видом девицы?

— Да. Я все напишу, Стив. Я подпишу бумагу, а ты меня отпустишь — только на час. Ладно, Стив? Только на час. Это не такая уж большая услуга от старого друга, а, Стив?

Стив наклонился к Гоффу и пощупал сонную артерию.

— Мертва... Ладно, Джордж, я дам тебе час, если ты все напишешь.

Миллар подошел к высокому дубовому столу, сел, взял ручку, обмакнул ее в чернильницу и начал писать.

Стив Грейс сел у камина, закурил и стал смотреть на огонь. За окном запели птицы. В доме стояла тишина, только слышно было, как шуршит по бумаге перо.

СОЛНЦЕ уже поднялось довольно высоко, когда Стив вышел из домика, закрыв его на ключ.

Он остановился на главной улице у гостиницы «Край света», выпил чашку кофе в баре и попросил телефонистку дать ему номер Уолтерса в Лос-Анджелесе.

Голос в трубке произнес:

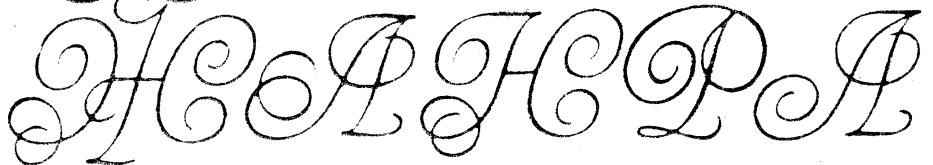
— Кабинет мистера Уолтерса.
 — Это Стив Грейс. Соедините меня, пожалуйста, с мистером Уолтерсом.
 — Одну минуту, пожалуйста, — щелчок, и вновь тот же голос произнес. — Да?
 — Это Стив Грейс. Я хочу поговорить с мистером Уолтерсом.
 — Извините. Кажется, я вас не знаю. Еще слишком рано. Какое у вас дело?
 — Я ездил к мисс Чозза.
 — А-а... Сыщик. Все понял. Не вешайте трубку. — Раздался еще один щелчок, и в трубке послышался другой голос, денный, с легким ирландским акцентом.
 — Говори, сынок. Уолтерс слушает.
 — Я — Стив Грейс. Тот человек, который занимался...
 — Наслышан, наслышан, сынок. С девушкой все в порядке. Думаю, она спит у себя в постели. Продолжай.
 — Я звоню из Крестлайна. Леопарды убили двое. Один из них — ночной портье Миллар из отеля «Карлтон», другой — его брат, бывший боксер по имени Гофф Талли. Талли убил, его застрелил брат. Миллар уехал, но он оставил подробное письменное объяснение со своей подписью.

— Ты быстро работаешь, сынок. Приезжай поскорее сюда. Почему они убили его?
 — У них была сестра.
 — Сестра... — повторил Уолтерс. — А что с тем, который уехал? Я не хочу, чтобы какой-нибудь случайный шериф или адвокат затеяли шум...
 — Думаю, об этом не стоит беспокоиться, — мягко перебил Стив. — Мне кажется, мистер Уолтерс, я знаю, куда он уехал.

СТИВ позавтракал, сел в машину и поехал по длинному спуску из Крестлайна в сторону Сан-Бернардино. Часто дорога проходила по самому краю пропасти, где стояли ограждения.
 Одно из таких мест находилось в двух милях от Крестлайна. Там дорога делала крутой поворот. На обочине стояло несколько легковых машин, машина дорожной полиции и автокран. Белое ограждение было проломлено, у пролома толпились какие-то люди и смотрели вниз.
 Там, на глубине восьмисот футов, еще дымилась груда металла — все, что осталось от серой машины Миллара.

ТРУДНОСТИ

А. ГРИГОРЬЕВ

РЕДАКТОР был категоричен:
 — Мы не можем напечатать ваш новый роман. Вы, молодой человек, повторяетесь, ничего нового, оригинального. Посудите сами: та же планета, что и в предыдущих ваших книгах, те же странные четырехногие существа с хоботом вместо носа, тот же технический уровень, та же социальная структура...
 — Но... — попытался было возразить автор.
 — Однообразно, молодой человек, однообразно. Читатель, познакомясь с вашими первыми книгами, уже усвоил, что четырехногие в гневе зеленеют, от радости размахивают хоботом, расстроившись, хлопают себя ушами по щекам. Не кажется ли вам все это скучным? Неужели нельзя придумать ничего нового?
 — Но...
 — Забирайте рукопись и прежде чем написать что-нибудь, подумайте над тем, что я вам сейчас скажу. Фантастика должна быть оригинальной, ошеломляющей, если хотите. А в ваших книгах нет движения мысли, нет технических новинок, нет парадоксальных гипотез...
 — Извините, но ведь и у Льва Толстого нет технических новинок...
 — Что? — нахмурился редактор.
 — Все герои Льва Толстого от страха вздрагивают, от радости — улыбаются, от горя — плачут...
 — Ну, это уж слишком! — взорвался редактор. — Какое отношение имеет

Лев Толстой к фантастике? Чего вы плетете!?

Автор хотел еще что-то сказать, но передумал и, обреченно махнув рукой, покинул кабинет.

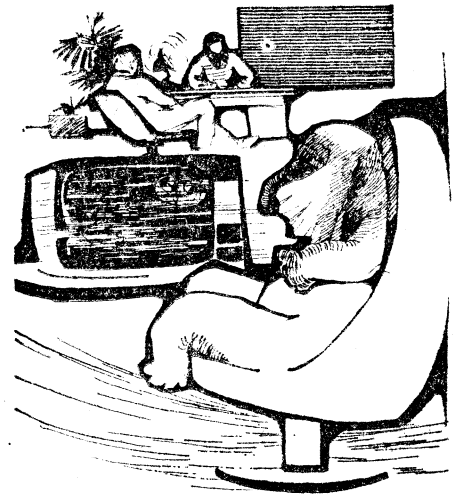
Вернувшись домой, автор немедленно снял биогипнотическое поле и неторопливо просеменил на четырех ногах в зал. Удобно устроившись в мягком кресле, он сосредоточенно принялся вглядываться в экран старого, выдавшего виды телевизора «Рекорд». Через минуту База вышла на суперпространственную связь.

Координатор галактического сектора А-16 (слаборазвитые цивилизации) был темно-зелен от гнева.

— Прежде чем выслушать ежеквартальный отчет, должен предупредить, что База вашей работой недовольна. Что вы переводите? Ни технических чтивков, ни движения социальных структур... Неужели духовный мир аборигенов так беден, что в гневе они лишь багровеют, а в радости издают неприятные, резкие звуки?

— Но...
 — Не возражать! Мы не для того послали вас в этот мир, чтобы вы бездельничали! Ваша задача — доступными средствами ознакомить аборигенов с шедеврами нашей литературы, одновременно ознакомив своих читателей с литературой планеты, избранной для Контakta. Неужели я должен доказывать вам элементарную истину, что невозможно понять цивилизацию, не

изучив внутреннего мира каждого ее индивидуума! До каких же пор...
 Автор позеленел и легким усилием воли отключил аппаратуру суперпространственной связи. Лицо Координатора исчезло с экрана.
 Скользя взглядом по полкам книжного шкафа, на которых теснились тома полного собрания сочинений Льва Толстого, автор почувствовал, что хлопает себя ушами по зеленым щекам. Его хобот печально съезжился и стал напоминать увядший огурец.

СЕРГЕЙ КАЗАНЦЕВ

АНОМАЛИИ

ПОЧТИ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ О ПОИСКАХ ИНОПЛАНЕТЯН В ПЕРМСКОЙ ЗОНЕ И В САМОМ СЕБЕ

ДЛЯ ТЕХ, кто не читал публикацию Павла Мухортова в латвийской газете «Советская молодежь» в конце августа — начале сентября 1989 года, я должен пересказать ее содержание, — ведь с нее все и началось. Постараюсь вкратце и объективно.

В новолуние, в конце июля 1989 года корреспондент из Риги П. Мухортов побывал в загадочном «треугольнике», расположенном в излучине реки Сылва у деревни М. Название журналист попытался скрыть, справедливо предупреждая угрожающее паломничество в те места. Однако вскоре название рассекретила — на мой взгляд, из ревности — газета «Советский спорт» в материале своего горьковского корреспондента: мол, что там говорят об «М-ском треугольнике», мы в нем были — ничего не видели, зато у нас в Горьком НЛО так НЛО!

П. Мухортов повезло больше, чем горьковчанам. В «треугольнике» он обнаружил светящиеся шары, столбы, «гантели». На стенку палатки, внутри, проецировалось «кино» с необычными образами, символами, схемами. На почве и над ней в разных местах конденсировались биопля, вызывающие резкие болезненные ощущения. Здесь искажались пространство и время: костер при движении к нему упрямо уплывал в сторону, часы всех марок, кроме японских, то отставали, то забегали вперед. Здесь искажалась и человеческая психика: люди без видимых причин или впадали в блаженную эйфорию, или бежали с определенного места в паническом ужасе...

Главное же Мухортов выделил в отдельную главу, честно предупредив, что подавляющее большинство читателей ему все равно не поверит. Он входил в контакт с инопланетянами. И они ему рассказали. Что прилетели с планеты Трон в созвездии Весов. Что они — наши хозяева. Они проводят на Земле эксперимент. Мы, люди, — биороботы. В нас что-то сломалось. Эксперимент пошел по неправильному пути. Вместо того, чтобы свято блюсти библейские моральные заповеди, продиктованные нам хозяевами, мы убиваем, грабим, прелюбодействуем, — то есть, совершаем все то, от одной мысли о чем тронцы буквально мертвоют, перестают как личности существовать. Мы пока не все такие, лучших представителей рода человеческого хозяева выслеживают и, не дав им завершить отпущенный земной век, забирают их сознание себе, оставляя кладбищем их бренные тела. Мы, остальные, — носители «вируса мысли», морального СПИДа, — опасны для всей Вселенной. Поэтому хозяева сначала пытаются нас исправить. Если за 10 лет у них ничего не получится, — они нас, биороботов, просто выключат. Все. Эксперимент закончен.

Страшно. Но более — обидно. И в «М-ский треугольник» ринулись опровергатели. Сразу вслед за П. Мухортовым суда съездил его коллега В. Синицын. Не опроверг, вернулся таким же адептом

инопланетной версии. Прервав поиски «Янтарной комнаты», специальная экспедиция «Советской молодежи» семь дней провела в Зоне — так назвал это место, прямо ассоциируя его с Зонай из «Пикника на обочине» Стругацких, еще один корреспондент латвийской молодежи В. Шулаков. Сам он в Зоне не был, но подробно записал рассказы шести «янтаришников». Двое из них контактировали с инопланетянами. В их изложении пришельцы выглядели более лояльно. На вполне уверенно высказывается предположение, что версия о биороботах, который грозит выключение, — не более, чем тест, психологическая проверка. Но, может, само это предположение — тест. Участники новой экспедиции много не договаривают. Рассказывая, они как бы прислушиваются к чему-то внутри себя и, бывает, резко переводят разговор на другую тему или вообще замолкают. Нехотя объясняют свое поведение телепатическими приказами. Контакт с инопланетянами (или инопланетный контроль?) продолжается и в Риге...

«Не знаю, под чьим контролем, кроме своего, нахожусь я, но почему-то, вернувшись в начале октября из Зоны, я почти два месяца не мог решиться написать вот этот материал. Честно говоря, казалось — все, что ни скажу, ни напишу, — все будет просто глупо, глупо, глупо...

Я верю в инопланетян. Вера моя зиждется на научной основе, корнями уходящей в древние века. Сегодня меня не сожгут на костре, как Джордано Бруно, за упрямое утверждение о множественности обитаемых миров во Вселенной. Меньше смущает даже известный меморандум академика Шкловского, 13 лет назад не только меня огорчивший безмерно. Пионер научного подхода в СССР к проблеме поиска внеземных цивилизаций (первое издание его книги «Вселенная, жизнь, разум» вышло в 1962 году), И. С. Шкловский заявил, что мы, земляне, практически одиноки, если не в обозримой Вселенной, то, по меньшей мере, в нашей Галактике. Аргументы его отказа от собственной теории близкой обитаемой Вселенной просты: 1) мы давно бы заметили цивилизованные планеты, ведь даже технически слабо развитая Земля бытовым телескопом излучает ультракоротких волн больше, чем Солнце, ...т. е. очень громко кричит в космос о своем существовании; 2) по той же причине ОНИ давно бы уже нас нашли. Как жаль, что Иосиф Самуилович не дождался до нынешних дней!

На Западе настроены более оптимистически, выводя по формуле Дрейка немалые вероятные количества обитаемых миров даже в рамках нашей Галактики: от одного до пятисот миллионов. И это только у нас, а сколько всего галактик во Вселенной! В одном созвездии Волосы Вероники около тысячи галактик — несколько сотен триллионов звезд, среди которых могут быть миллиарды цивилизаций. Правда, до Волос

Вероники 360 миллионов световых лет... Правда, в формуле Дрейка есть хитрый коэффициент: время жизни цивилизации. Если все инопланетяне ведут такой же самоубийственный образ жизни, как мы, — уцелевший разум обнаружится едва ли на десятке планет среди 400 миллиардов звезд нашей Галактики...

И все-таки они существуют! Мы это знаем. Другой вопрос — знают ли они о нас?

Теория палеоконтакта — следы, оставленные пришельцами на Земле. Многие читали книги писателя-фантаста А. П. Казанцева. Многие смотрели фильм Э. Деникена «Воспоминания о будущем», которому представители советской официальной науки устроили в центральной печати яростную obstruction; перепало и Александру Петровичу. Теорию разругали, но следы-то остались... И нет убедительных объяснений ни с той, ни с другой стороны.

Бум сообщений о НЛО — неопознанных летающих объектах — возобновился в последний год с новой силой. И не каждый пролет светящегося шара можно объяснить так, как, например, — я согласен — объясняет студент Дмитрий Киселев из Уфы: наблюдавшееся 26 апреля 1989 года явление, о котором я рассказывал в первом выпуске «ПиФа». Доказательства убедительные, это действительно было похоже на работу второй ступени ракетносителя, поднявшего в этот день с космодрома Плесetsk советский спутник «Фотон».

И наконец, сенсации последних дней — рассказы о прямых контактах с инопланетянами. Именно их-то и нелегко свести к земным обстоятельствам. Кстати, не корректно пытается это сделать Ю. Платов, член всесоюзной комиссии по изучению аномальных явлений, в еженедельнике «Новое время» № 47 за 1989 год. Вслед за «Правдой» он так же грубовато и неуклюже высмеивает сообщения из Воронежа о появлении неземных пилотов чуть ли не в центре города; намекает, что «примерно в это же время не так далеко от Воронежа проводились эксперименты по исследованию верхних слоев атмосферы с образованным искусственных облаков на высотах более 100 километров». «Нет ли связи между этими событиями?» — задумывается он. Конечно, есть — если воронежский парк, подобно свифтовским лапутянским городам, летает на высоте более 100 километров...

Сообщения о прямых контактах с НЛОнами редко, но все же проликали в печать и раньше. Они встречали массовое недоверие. А сегодня — «весь мир сошел с ума, порвалась связь времен», и уж, конечно, не мне ее восстанавливать. Хотя такой ажиотаж меня, к примеру, не удивляет. В смутные времена, когда прошлое черно, будущее туманно, а настоящее несет череду бед, испокон веков на Руси поднималось по-прежнему увлечение мистицизмом, на сдерживаемое властями, обреченными тем, что народ самостоятельно находит забвение в этом проклятом замкнутом круге сегодняшних нерешаемых проблем. Вчера «экстрасенс» Григорий Распутин и духи из загробного мира,

сегодня контактеры и инопланетяне...

Я к мистикам себя не отношу, тем не менее, начитавшись осенних публикаций латвийской газеты «Советская молодежь», движимый журналистским долгом, тоже ринулся в так называемую зону аномальных явлений в Пермской области, куда устремились толпы контактеров, экстрасенсов, корреспондентов и просто любопытных зевак. Организовал туда экспедицию и наш издательский кооператив «Свиток», собрав полтора десятка людей достаточно взрослых, серьезных и решительно настроенных, если не на разоблачение рижан, то, по меньшей мере, на добычу доказательств как земной, так и инопланетной версии.

— Вы, вероятно, имеете в виду сталкеров?

— Я не знаю, что это такое.

— Так у нас в Хармонте называют отчаянных парней, которые на свой страх и риск проникают в зону и тащат оттуда все, что им удастся найти».

А. и Б. Стругацкие.
«Пикник на обочине».

Я ВХОДИЛ в Зону с ярым скептицизмом наперевес. Уходил растерянным, обронив свой скепсис на вздыбленном пахотой поле.

Я не собирался развенчать и опровергнуть рижанина П. Мухортова, и уж тем более — примерить его лапры на себя. Шел в Зону, повторю, по долгу службы, твердо зная, что хотя инопланетяне существуют — где-то там, но их прибытие на Землю мало реально, ведь наша Солнечная система выброшена на задворки Галактики. И если бы ОНИ в самом деле когда-нибудь прилетели, то объявились бы торжественно, официально, с участием глав правительств и духовых оркестров. А тут...

«Они пришли без спроса — это раз. Они пришли тайно — это два. А раз так, то, значит, подразумевается, что они лучше нас знают, что нам надо. — это раз, и они заведомо уверены, что мы либо не поймем, либо не примем их целей. — это два. И я не знаю, как ты, а я не хочу этого. Не хочу!»

А. и Б. Стругацкие.
«Волны гасят ветер».

На том же «не хочу» базировался мой великоземлянский скепсис. В Зоне он разбился на мелкие осколки, но они все-таки царапают душу. Наверно, боль от этих царапин будет прорываться в тоне моего рассказа, но я все же постараюсь объективно передать вам то, что видел, слышал и ощущал сам — там, в Зоне.

Итак, в близкую к новолунию темную ночь с 28-го на 29 сентября 1989 года я вошел в Зону вместе с собором «Труда» Анатолием Джапаковым и редактором Свердловского телевидения Николаем Порсевым. Я встретил их в первый же день и, отколовшись от своей группы, присоединился к коллегам. С нами был водитель соборовской «Волги» Рафик Алиев. Четвером, скользко по раскисшей грунтовой дорожке, мы поднимались на небольшую возвышенность, охлестнутую причудливой петлей реки Сылвы. За рекой притихла

пермская деревня Молебна. Где-то рядом незримо делила тайгу граница Свердловской и Пермской областей.

Чудес я не ждал. Да и рассказы моих спутников, находящихся в Зоне уже третьей сутки, не обещали массы впечатлений. Как старожилы, они шли уверенно в полной темноте, не включая фонариков. Я же цеплялся за порсевский рукав, ошалело вглядываясь в непонятое вперед. «Ничего, обыкновенно», —нисходительно утешали ребята. И я решил, что наконец-то начал адаптироваться, когда увидел, как рядом проявляются из черноты спина и плечи моего поводыря. Неладное заподозрил, когда сообразил, что лишь боковым — атактистическим, охотничьим, острым — зрением улавливаю эту необычную оранжевую подсветку на выгоревшем серо-зеленом брезенте Колиной штормовки. Эту же подсветку — и тоже боковым зрением — Порсев обнаружил на моем шлемоулытке. А Джапаков и Алиев, как ни вертели друг друга и нас, ничего не видели. Вот уже стало немножко интересно: светит будто бы сзади кто-то красным фотофоном, а оглянешься — чернота, даже звезд нет, небо с вечера облаками обложено. Позже специалисты предположили, что подобный эффект могла дать работа прибора ночного видения или лазера с красной накачкой. Но мы ходили, поворачивали в разных направлениях — подсветка не исчезала. Или в Зоне за каждым кустом сидит инопланетянин с инфракрасным прибором?

Шли мы медленно, останавливаясь, обозревая невидимые темные окрестности: вдруг что-нибудь блеснет? Блеснуло наверху, на плоской вершине лысой горюшки: кусты, которые мы почти проскочили, осветились холодным белым, как люминисцентным, светом. Повернувшись к ним, мы замерли, чтобы не спугнуть. Мне показалось: образовался полукруглый экран. Ребята же, обладая более острым зрением (а я близорук), утверждали, что кусты как бы накрыл светящийся купол высотой меньше человеческого роста и диаметром 45 метров. Через несколько секунд в куполе пролетели два ярко светящихся шарика величиной, может, с грецким орех. Они летели со скоростью большей, чем полет насекомых, ловко лавируя среди ветвей, один за другим, как бы наперегонки. Цвет их был какой-то неестественный, неприятно желтый, вроде пищевого красителя для карамели. За ними тянулись короткие хвосточки, тающие, как инверсионный след. Только они исчезли за правым краем купола, как вслед им, словно догоняя, по той же извилистой траектории проскочил третий такой же шарик. Немного погодя, купол растял, оставив множество мельчайших белых звездочек, будто светилась в кустах роса на паутине. Когда и они погасли, мы подошли и осмотрели кусты: сухие, голые вишни, ни паутины, ни заморозы. Это не могли быть огни деревьев, просвечивающие сквозь лес, — к Молебне надо повернуться более чем на 90 градусов.

Шагая дальше, мы все поглядывали на небо. Уж с полчасца, как заметили

примерно в середине небосклона туманно светящиеся столбы, или цилиндры. Я шепотом уверял ребят, что это звездные скопления в облачной дымке, — они не очень то верили, потому что столбы стояли недвижимо и не меняли очертаний.

Пока они рассматривали, и фотографировали эти столбы, я обернулся, проводя взглядом, как мы говорили, «по площадям». И явственно увидел, как на той стороне пахотного поля, метрах в 100-120 от нас, по черному фону леса (лес ночью темнее неба) прошел светящийся «карандаш». Он как бы выпал из пустого неба и со скоростью, меньшей, чем скорость падения, углубился, укорачиваясь, в землю. Был он белый, как из полированного алюминия, и реальным размером, учитывая расстояние, с телеграфным столбом или ствол взрослого дерева. Последнее изображение заставило нас предположить, что кто-то там провел лучом фонаря по белому стволу березы. Пошли проверить. Прошли вдоль всей лесной гряды туда и обратно — сплошной еловый густой колок, ни единой березы. Отошли метров на 50 — Порсев резко обернулся, уловил отблеск на ветвях. Он успел увидеть, как метровая (видимым размером) «алюминиевая полоса» наискосок циркнула по небу и по лесу и воткнулась в землю.

Те туманные столбы на небе все еще, вот уже часа полтора, раздражали наши взоры. Они стояли на том же месте, а рисунок созвездий (небо к тому времени очистилось), уже сдвинулся по отношению к ним. Порсев решил сфотографировать их с новой точки — мы двигались по лесной дороге. Случайно он нажал кнопку фотовспышки. Нас ослепило. Попеняли Коле. А он сказал, что заметил ответную вспышку в лесу, в глубине, на высоте примерно середины стволов. Попробуем еще раз. По команде мы зажмурились, и через 4-5 секунд отсчета действительно увидели в указанном месте слабый блик. Так повторилось дважды. Идем к нему! С трудом продрался сквозь кусты, подобрались к опушке и... остановились. Потоптались, и Джапаков говорит: «А ну его! Пошли обратно». И мы ушли. Позже я попытался у ребят: в чем дело? Может, испугались? Нет, страха не было. Просто расхотелось...

Кстати, удивительно: все мы — городские жители, редко бываем в лесу, тем более ночью. Но, путешествуя по Зоне, не испытывали никакой боязни. При этом — я проверял свои ощущения — чувства наши не подавляла эйфория, возбуждение от предвкушения встречи с чем-то таинственным, неизвестным. Шли по-деловому, как по заводскому цеху, выполняя журналистское задание.

А САМОЕ необычайное ждало впереди. Вышли из леса. Алиев, обогнавший нас метра на три, остановился и предупреждающе махнул рукой: «Вниматель! Смотрите!» Мы на цыпочках скользнули к нему. На пашне перед нами, метрах в 80-ти, светились огоньки. Два — красный и зеленый, они как бы играли

в «ляпки», гоняясь друг за другом мелкими скачками. Толя Джапаков торопливо зашептал: «Не двигайтесь, не делайте резких движений, сейчас они приблизятся!». Позже он объяснил свое предположение. В предыдущую ночь он видел на этом же поле похожую игру белого шарика размером (видимым) с пятаком. Попрыгав в собственное удовольствие, шарик двинулся в сторону замершего на дороге Джапакова, как бы заигрывая с ним: подскочит — отскачет. За это Толя обозвал его «коккеткой». Когда шагнул к нему, шарик ускочил.

И точно — наши «коккетки» побежали к нам! Впечатление такое, будто милые зверьки, не боясь людей, зазывали с ними поиграть. Смотреть на них было приятно и весело, как на расшалившихся котят.

Зеленая подскочила первой и остановилась метрах в 30-ти. Я рассмотрел ее подробнее. Вблизи она показалась крупной виноградиной, словно выточенной из нефрита. Внутри будто светилась маленькая лампочка из елочной гирлянды. Она не освещала почву, я не видел бликов на комках земли. Остановившись, «коккетка» заиграла лучиками — короткими, широкими, треугольными, выдвигая их и пряча, как солнышко в мультфильме.

Порсев — у него зрение охотника, лесовика — позже описал обеих «коккеток» так: толстые диски-таблетки, наклоненные под углом 60° к плоскости поля; двигались скачками, не изменяя наклона, лицами-зеркальцами вперед.

Догнала свою подружку красная «коккетка». И — выбросила хвостик-кисточку. Широкий, с ладонь. И начала помахать им, как лисичка. От этих движений стало видно, что кисточка состоит из отдельных нитей, причем они вроде витые.

Со вздохом сожаления сегодня боюсь даже предположить, чем могло кончиться наше общение, если бы его так грубо не прервали. Справа в перелеске раздался треск сучьев. Там ломился кто-то, подсвечивая фонарем. Луч фонаря подосвечивал по полю. «Коккетки» в луче не погасли, но зеленая замерла, спрятав лучики, а красная, мгновенно вбрав в себя хвостик, прострельным движением, размазываясь от скорости в полосу, метнулась через дорогу, поперек нашего взгляда, в противоположный от фонаря конец поля, задержалась в метрах 50-ти и нервно заморгала, запульсировала. Зеленая же обычным прыжком перескочила дорогу и остановилась, как бы выжидая. Но луч второй раз полоснул по ней, и она таким же прострелом отлетела к красной, и они, обгоняя друг друга, длинными скачками убежали за край пашни, в лес.

Я никогда не слышал о шаровых молниях, которых можно запросто спугнуть. И для химического свечения на почве, типа болотных огней, их поведение было слишком осмысленно...

Это место — словно заколдовано. Позавчера здесь же Джапаков, Порсев и рижанин Петерис заметили светящееся круглое оранжевое пятно с черной полосой, диаметром метра полтора. Оно

спокойно плавало по пашне. Петерис направился к нему, вступил в него. Он почувствовал, как будто удар электрошпатель. Оставшиеся на дороге Анатолий и Николай увидели, как пятно оторвалось из-под ног рижанина. А Петерис двинулся дальше. Пятно следовало за ним, потом погасло. Петерис вернулся. «Не догнал, — сокрушенно покачал он головой. — Выскочило вперед и не подпустило». Вперед! Но ребята то ясно видели его за спиной рижанина.

Световые явления обнаруживались и днем. Джапаков с Порсевым, возвращаясь под ярким солнцем из деревни (ходили за хлебом), разглядели две вспышки: одну, сильную, над лесом, и сразу вторую, слабее, на фоне деревьев. Фотографу экспедиции «Свитяз» Владимиру Кунину удалось днем же заснять светящийся шарик на ветке куста. На фотографии оказались еще два таких же шарика у корней соседнего куста.

Ночные чудеса продолжались. «Ночничкам везет!» — сказали мои спутники-старожилы. Мы вернулись в первом часу ночи к нашему костру, заварили редкий нынче напиток — чай. Обхватив кружку обеими руками, чтоб согрелись пальцы, я, дотягивая нектар, запрокинул голову. И! — полетела кружка, звеня, я тыкал рукой вверх в безмолвном крике. Мне показалось, будто ниже верхушек деревьев, окруживших нашу стоянку, над нами зависла какая-то плотная, огромная масса. Порсев прыгнул через костер, вскинул голову и ахнул. Через несколько секунд он, волнуясь, сказал: «Теперь я понимаю поговорку: «Небо с овчинку показало!» Он увидел заполнившую почти весь проем между кронами деревьев темно-серую массу в виде многолучевой морской звезды или осьминога. Ощущение: вот сейчас обрушится, раздавит всё и всех — людей, костер, палатки. Но «звезда» стремительно рванулась вверх и в мгновение превратилась в точку, исчезла в глубине небес.

Конечно же, мы предположили, что это дым от костра скопился между деревьями. Но как он сумел расцелиться со скоростью ракеты?

И «осьминог» меня не напугал. Давно разошлись по палаткам ребята, а я все сидел у потухающего костра, перебирая мысленно разные версии, высказанные сегодня моими коллегами и нашими друзьями-физиками, кандидатами наук, Александром Диченко и Василием Грозовым. Как они спорили, Саца с Василием! Выдвигали теории, тут же опровергая друг друга. Так и не сумели найти удовлетворившее бы обоих объяснение увиденному нами. Но это потом, а пока я ломаю голову над едва светящим костром, чернота лесной ночи придвинулась вплотную, но страх не приходит никак, будто я знаю, что меня кто-то оберегает...

А вот на следующую ночь я с содроганием ощутил, что мне ни секунды более нельзя оставаться у костра. До палатки четыре шага — но не дойти. «Коля, проводи», — дрожащим голосом попросил я Порсева. Тот не удивился, в Зоне всякое возможно, отвел меня в палатку. Утром рассказал, что

тут же его самого что-то с силой погнало скорее забиться в спальный мешок.

Однако замерз. Да и время к пяти подкатило. Дрожа (от холода, конечно), залезаю в палатку, вжимаю застегивающую «молнией», забираться в спальный мешок. Нет, не заснуть. Колотун. Да и мозг перевозбужден. Закинув руки за голову, вперяю взор в невидимый потолок, стараюсь успокоиться. Глаза приывают к темноте, вон уже и потолок палатки различаю. Что-то он слишком ярко высвечивается. Это, видите, что-то костер расшевелил, аж тени от ветвей просвечивают. Ветер ветви колыхает. Тени танцуют на потолке, на обеих сторонах двускатной крыши нашей старенькой зеленой брезентушки. В хаотическом танце ветвей какое-то гипнотическое очарование. Мне хорошо. Мне очень хорошо. По телу катится теплая волна, будто погружаюсь в горячую ванну. Засыпаю...

А утром я спросил у непоседливых соседей, кому это взбрело в голову, которая нога покою не дает, глубокой ночью взбадривать костер. Раскопчегарили, аж ветви на просвет! «Стоп, стоп! — сказали мне с волнением. — А ну, расказывай, что видел». Я рассказал. «Поздравляем, — сказали мне. — Ты смотрел «кино». Правда, только начало». И объяснили, что за два дня до меня на этом месте ночевал Иван Гурин, редактор Чернушинской районной газеты из Пермской области. И он тоже увидел «вечный узор». Но в отличие от некоторых, — сказано было с улыбкой, — разбудил соседей по палатке, и они тоже наблюдали. А когда на этом кадре первый фильм закончился, провели эксперимент: Джапаков с Алиевым снаружи освещали палатку фонарями, а Гурин изнутри кричал, что ни черта не видит. А если б и увидел, то что? — указали мне на дерево, под которым стоит палатка. Это пихта с широкими мохнатыми лапами, тени от которых совершенно не могли быть похожими на увиденный узор.

Что-то он мне напомнил, этот узор. Ветви пересекаются, а кончики их на различить. Сеть узора дробится, усложняется... Уж не деление ли клеток мне показывали?..

Опомнись! КТО показывал?! Не знаю. Я-то опомнюсь, я больше ни одного кадра не видел, а вот Порсев смотрел «кино» трижды! В соседней палатке. Причем в первом фильме он видел улицу с непонятными строениями, потом нальбом четыре лица: три веселые, добродушные, а четвертое настолько искажено злостью, что на нем и выключилось. То же видел Саша Диченко. А потом оба они дважды посмотрели один и тот же «ролик»: «вечный узор» играет, дробится и превращается... в формулы. Все как положено: числитель, знаменатель и прямая линия деления между ними. Значки похожи на японские иероглифы или грузинское письмо. Причем Николай видел их серыми и объемными, как из пенопласта, а Саша — зелеными и плоскими. После формул на экране (именно на экране, на плоскости палаточной ткани,

а не в воздухе, не в воображении) долго прорисовывалась схема какого-то механизма. Порсеву стало неинтересно, и он уснул. А я сказал ему: «Это не тебе стало не интересно, а «киномеханики» поняли, что ты в этой схеме ничего не понимаешь, и выключили тебя».

ЧЕРЕЗ день меня контузило. Вот уж этого я от Зоны не ожидал! Ясным солнечным днем шли мы с Порсевым по лесной дороге, выбирая очередной маршрут. Резкий колющий удар в пальцы правой ноги был совершенно неожиданным. Ощущение такое, будто наступил босой ногой на оголенный электропровод под высоким напряжением. Я ойкнул. И с ходу проскочил это место. Решили вернуться. По обочине отсчитал десяток шагов и вновь зашлепал резиновыми своими сапогами по середине дороги. Удар повторился. Правда, уже слабее, может, потому, что я его ожидал. Остановился на этом месте и начал вести репортаж, вслух выговаривая то, что чувствовал. Одно временно записывал в блокнот. Смотрю сейчас на эту запись, и у самого мурашки по коже: пляшущие буквы несут воспоминания о той нестерпимой боли, почерк ломается — это пальцы отказывались подниматься. «Пошло онемение левой голени, правой, поясницы, подгибаются колени... Онемение правого плеча. Подгибаются колени. Рука правая — токовая боль от кисти к локтю... Ломит виски... Давит в затылке... Боль в глазах...» — в этот момент я не выдержал, побоялся потерять сознание — и поковылял прочь. Боли в голове выключились сразу, а вот бедные мои кости ноют до сих пор... Но, может быть, мне даже повезло. Председатель Молебкинского сельсовета говорил, что им приходилось на руках выносить людей из проклятой речной глечи — и своих, и пришлых.

Двум физикам из Карелии тоже, видимо, повезло. Среди белого дня они выломались из леса к палаткам моих коллег. Лица белые, губы серые, глаза пустые. «Я никогда не встречал людей в таком ужасе», — Толя Джапаков, вспоминая это, передергивает плечами. Ему уже были знакомы эти ребята — опытные туристы, один из них штурмовал Эльбрус... Они не смогли ничего объяснить, только просили проводить их до деревни. Пришлось чуть не за ручку вести их до брода. По дороге пытались успокоить, карельцы твердили одно прыгающими губами: «Нет... нет... нет!» Через реку они бежали, не разбирая брода, словно спасаясь от гибели.

«...Прозрачная пуста, притаившаяся в тени ковша экскаватора, схватила его, вздернула в воздух и медленно, с натугой скрутила, как хозяинки скручивают белье, выжимая воду».

А. и Б. Стругацкие
«Пикник на обочине».

На горе есть странный вывал леса. В круге диаметром метров 50 деревья надломлены примерно на середине стволов. Вершины и леги веером, или «бабочкой». Там, где у бабочки спинки, т. е. в эпицентре вывала, стоят

несколько бывших осин. От них остались одни стволы, все ветви вырабы с полосками коры, которые, как стрелки, указывают, что удар был сверху. Под горой река делает крутой поворот. Верящий в инопланетную версию легко может предположить, что какой-то летательный аппарат шел над рекой и внезапно из-за поворота наскочил на эту гору; чтобы не врезаться в нее, врубил форсаж двигателей, ударил их силой по деревьям. И взмыл вверх, очевидно, с доворотом — потому что с краю вывала две толстенные (меня не видно было из-за одного ствола) осины скручены так, что в месте излома презратились даже не в щепу, а в мячало.

Этим аппаратом мог быть вертолет? Не похоже. В свое время я налетался на них, насаждал их на тюменском севере. Да и любой воздушный удар — будь то смерч или ураган (которые, кстати, прорубили бы просеку), или форсаж вертолета — первым делом не пощадил бы листву, — а высохшие листья на склонившихся к земле верхушках целы.

В этом вывале я вновь испытал болезненные ощущения. Но не такие сильные, как на лесной дороге. А вот Марина Кузовлева, молодая женщина, полдня отлеживалась в палатке, преодолевая страшную головную боль. «Невозможно, — возмущалась она, — чтобы здоровый человек в хорошем настроении за пять минут был приведен в такое ужасное состояние!». 18-летний Гена Ходжаев не смог даже подойти к вывалу. Но через пару часов он таки полез туда — «для чистоты эксперимента». (Должен признаться, что для той же «чистоты» и я второй раз навестил «электропровод» на лесной дороге — меня вновь за милую душу шандархануло). И Гена олять схлопотал по голове: как он рассказывал, сначала будто мягкой ладошкой уминали его мозг от лба к затылку, затем все усиливающаяся пульсирующая боль в усиленно вывала его из вывала.

Но ко всем была Зона неласкова. Кто-то ничего не чувствовал, даже добросовестно топчась в одних носках по «электропроводу» или усаживаясь на поваленные стволы. Но где гарантия, что воздействие Зоны не проявится позже — и как?

«Вы знаете, какие дети бывают у сталкеров, вы знаете, что бывает с самими сталкерами».

А. и Б. Стругацкие
«Пикник на обочине».

«Слушайте, Ричард, вам не стыдно? Вы же все-таки человек с образованием...».

Там же.

МНЕ бы очень не хотелось мрачно пророчествовать и тем более наводить тень на плетень. Но при всей моей образованности и начитанности у меня до сих пор на все вопросы о Зоне имеется один универсальный ответ: «Не знаю». Ученые мужи! И жены тоже, и может быть, в первую очередь, ведь, говорят, женщины сердобольнее. Одно дело — когда вы отмахиваетесь от сообщений о «летящих тарелках»

Но ведь совсем другое — человеческая боль. Она реальна, клянусь! Ну хэ-тите — я, как подопытный кролик, опять стукнусь тем «электричеством», залезу в вывал, к черту на рога — только вы будьте рядом, пронаблюдайте, и если Зона опасна для человеческой жизни — закройте ее!

«Десять лет назад я совершенно точно знал, чем это все должно кончиться. Непредодолимые кордоны. Глядя в пустоту шириной в 50 километров. Ученые и солдаты, больше никого. Страшная язва на теле планеты залонирована намертво... А ведь надо же, вроде бы и все так считали, но только я. Какое произносились законопроекты... А теперь вот уже даже и не вспомнишь, каким образом эта всеобщая решимость расплылась вокруг киселем».

А. и Б. Стругацкие.
«Пикник на обочине».

Наверное, можно и не подкашивать тебе, дорогой читатель, что я леплю эти цитаты из фантастической повести с упорством маньяка для того, чтобы натолкнуть на мысль: да ведь это же все было предсказано! Фантастика СССР предупреждает... Паломничество в Зону продолжается. Да я и сам наверняка пойду туда еще раз. Зона заразна (может быть), но она еще и заразительна. Вот только не возвращаемся ли мы оттуда тронскими конями?..

Планета Трон, напомню, — родина пришельцев, как утверждает П. Мухортов, рассказывая о своих личных контактах с инопланетянами. Я лично этого не слышал — в контакт не входил. Но нечто странное услышать довелось.

Все ночи подряд наши три туристские радиостанции «Карат» перехватывали в эфире чужую станцию. Сквозь сильные помехи пробивался нечеловеческий, механический, компьютерный голос, говорящий на каком-то птичьеприщелкивающем языке. Потом он начал повторять фразы из наших радиопереговоров, с задержкой в несколько минут, то целыми кусками, а то варьируя, переставляя слова (что исключало версию радиоэха). Мощности чужой станции была несравнимо больше наших: она полностью заглушала радиомаяк, постоянно «просвечивающий» сквозь наши передачи. Это ставило под сомнение предположение о том, что с нами балует какой-то ближний радиохулиган (радиус действия «Карата» — не более 30 км). Да и трудно представить деревенского самодельщика, семь ночей дежурящего до четырех, пяти часов утра только для того, чтобы ввести нас в заблуждение; при этом ему еще надо синтезировать свой отклик на компьютере. Хотелось бы верить и в строгую дисциплину военных радиооператоров, если таковые имелись в тридцати километрах от нас.

А в последнюю ночь я стал свидетелем вообще трудно объяснимого события. Я сидел возле радиостанции, на которой работал Михаил Козловский. Небольшой группой мы расположились на берегу реки, метрах в трехстах ниже по течению от базового лагеря, где с «Карата» все радиоперехваты, как и в прошлую ночь, записывались на магнитофон. (Прислушав эти записи, специалисты уверенно заявили, что такой тембр голоса возможен только при

компьютерном синтезировании. Филологи в различных «словах» не нашли ни одного знакомого корня).

Михаил вызывал «чужую станцию» — она, завывая настройкой и напрочь заглушая радиомаяк, тут же откликалась на своем «птичьем» языке. Один раз помехи ослабли, и мы ясно различили длинную, минуты на четыре фразу, произнесенную без мгновения передышки в одной механической тональности.

Но диалог не получался. И Михаил, ни на что не надеясь, велел пустить из базового лагеря зеленую ракету, объяснив «чужой», что это — световой сигнал. И попросил дать ответный световой сигнал. Через 15—18 секунд (мы считали, зажав дыхание) из-за деревьев в центре Зоны в небо бесшумно взвился белый световой столб! В тот же миг «чужая» исчезла из эфира — очнулся и вновь записал маяк. Часа полтора мы надрылись в три микрофона — ответа не было.

Что я могу еще сказать?.. Разве что добавить: наутро в деревне один мужчина, без наводящего вопроса, сообщил, что этой ночью видел светящийся шар, подымавшийся над Зоной и канувший в зенит.

Молебники, местные жители, нам рассказывали, что светящиеся шары они видят постоянно. Так часто, что уже привыкли к ним и не считают чем-то необычным. «Что ищете? — спросила продавщица. — Здесь и нету ничего» — «А шары?» — «Ну, видела. Что ж тут такого!». Видела шары интеллигентная директор школы; директор совхоза чаблюдает их с детства (кстати, оба обижены тем, что П. Мухортов ни с кем не побеседовал в деревне). Женщины огорчаются: четвертый год как в излучине Сылвы (т. е. в Зоне) пропали ягоды и грибы. Со стороны деревни как были, так и остались, а перебрели реку — нетути. Ребята-школьники на вопрос о «черных, четырехметровых, безголовых лесных призраках», не улыбаясь, простодушно ответили: «Да как они близко к себе не подпускают, сразу прячутся за деревья». Перевезший нас «за так», безденежно, через реку механизатор довольно-таки равнодушно пожал плечами: «Не, я сам не видал, туда не хожу. А мужики видали. Вчера».

Можно не верить публикациям П. Мухортова, В. Синицына, В. Шулакова в «Советской молодежи», — гласность своей оборотной стороной уже приучила нас, в отличие от «застойного периода», не очень-то доверять печатному слову. Но в лицах крестьян не мелькало и тени обмана.

Я верю и своей однокурснице, с которой встретился в Зоне, ныне она редактор Воткинской городской газеты «Ленинский путь», Эльвире Валентиновне Быковой. Она рассказывала: шли ночью по лесной дороге (не по той, где «электричество»), и вдруг накатило — она даже ойкнула — необычное ощущение. По рукам от кончиков пальцев вверх поплыло тепло. Закрыла глаза и как бы увидела со стороны свой силуэт на фоне темного леса, а по рукам бе-

гут оранжевые шарики, и весь силуэт заполняется оранжевым светом, как разгорается спираль электроплитки... Ощущение очень приятное, блаженство, и вот она словно поднимается над землей... В этот момент испугалась — не за себя, за 16-летнюю дочь, стоящую рядом, — и чтобы сойти с этого места, инстинктивно прыгнула, обеими ногами, будто через барьер, — и все исчезло. Тут же стало так жаль, что прервала (что? контакт?), вернулась, зажмурилась — но лишь кисти рук силуэта чуть наполнились оранжевым теплом...

Кстати, о воткинцах. То «кино», что мы наблюдали в палатках, показывалось только в этом месте Зоны. Когда мои коллеги ушли (а я со своей группой днем позже), воткинцы поставили палатку на том же месте. И — видели лица того же восточного типа, видели «вечный узор». Содержание фильма заранее не знали. Они вернулись в Зону 5 ноября. На реке (она уже замерзла) обнаружили вырезанный круг льда с оплавленными краями диаметром 180 см, он был сдвинут в сторону (что трудно сделать без каких-либо особых приспособлений, чтобы лед не треснул, не сломался), внутри заполнен пузырьками воздуха (или газа), а рядом, за границей выреза, ничего подобного нет.

В НАЧАЛЕ ноября в Зону приехали из Тюмени два молодых врача-психиатра. Они хотели наблюдать массовый психоз. Вместо этого сами чуть не сошли с ума, когда в пятом часу утра 2 ноября были разбужены грохотом и, выскочив из палатки, стиснувшей на берегу реки, увидели и услышали, как низко над рекой с реактивным гулом прямо на них несется огромный светящийся шар. Он прогрохотал мимо на расстоянии чуть ли не вытянутой руки и был диаметром более 20 метров. Поднялся над обрывом и приземлился, скрывшись с глаз. Утром медики нашли наверху громадную круглую проталину, почва в ней была еще теплой. Привели туда соседки из другой группы, со счетчиком Гейгера — счетчик захлебывался от треска... Хотя, может, прибор реагировал на другое какое-то излучение, не земную радиоактивность. В вывале еще в сентябре радиометр тоже показывал повышенный фон, правда, только половину уровня, опасного для жизни, но вывалу не меньше года, а незаметно, чтобы там растительность хоть чуточку мутировала, а ведь мы уже знаем о фиолетовых лопухах Чернобыля.

В Зоне нужны серьезные приборы. Пока там забивают гвозди микроскопом. Если среди десятка групп обнаружится хоть одна с тем же дозиметром — уже достижение. Им начинают бессистемно шарить по Зоне, «исследуя» ее методом тыка. Самый массовый «прибор» — собственный организм. Когда кто-нибудь случайно наткнется на неизвестное поле (био? энергетическое? газовое?), вызывающее болезненные ощущения, — туда кидаются толпой, надеясь (!), что их тоже стукнет. Говорят, кто-то делал

анализ воды в Сылве — нашли повышенное содержание сероводорода. А кто-нибудь пробовал провести статистический анализ заболеваний и смертности в Молебке? По Сылве, прямо через Зону, проходит официально зарегистрированный туристский маршрут — семейный! Работники Свердловского и Пермского облсоветов по туризму, вас не беспокоит судьба появляющихся здесь с вашего разрешения детей?

Единственный (по крайней мере, еще летом и осенью), кто хоть как-то пытался хлопотать о безопасности лезущих в Зону со всех сторон, — это Эмиль Федорович Бачурин. Наслышаны о таком? Еще бы, знаменит — ведь его осмеивают уже и в центральной печати. И то — его счастье. А лет пять назад засадили бы в психушку. О нем вообще разговор должен быть особый, веротерпимый, что ли. Ведь учимся же мы сегодня уважительному отношению к людям, нашим согражданам, искренне верящим в Бога. Давайте попробуем хотя бы спокойно выслушать немногочисленных энтузиастов-уфологов, искренне верящих в пребывание на Земле инопланетян.

Характерный штрих: когда в Перми жители одного из домов по улице Куйбышева увидели над своим двором «летающую тарелку» и сообщили, что она обронила какие-то волокнистые предметы, которые растащили дети, — экстрасенсы из группы Бачурина определили, что эти предметы опасны для здоровья, и Эмиль Федорович, как рассказали мне журналисты пермской молодежной газеты, полдня обвинял из редакции массу официальных инстанций, везде встречая лишь усмешки; ему только и удалось опубликовать в молодежке заметку-предупреждение. Ладно, пусть эта заметка выглядит плодом фанатичного воображения, но когда дело касается здоровья детей, надо исключить любую опасность, какой бы невероятной она не казалась. Спасибо работникам пермской «Молодой гвардии», они же напечатали статью Э. Бачурина «Не ходите, дети, в Зону, или инструкция для дилетантов». Жаль, что она опубликована только в Перми, ведь в Зону сыплются со всего Союза, и, говорят, стремятся туда иностранцы. (Кстати, это будет вполне в российском нашем стиле, если первыми проведут комплексные научные исследования в Зоне, скажем, финны, которых ждали в Молебке, а наши академики в своих работах потом будут привычно ссылаться на зарубежные первоисточники).

«Ну, вот, например, вы, ученые. Надеетесь получить из Зоны что-нибудь фундаментальное, что-нибудь такое, что действительно способно перевернуть науку, технологию, образ жизни?»

А. и Б. Стругацкий.
«Пикник на обочине».

Я ВСТРЕЧАЛ в Зоне учебных-биологов, физиков, геофизиков — молодых и очень молодых (наша научная молодость, как известно, заканчивается после 50 лет). Все они предприняли эту вылазку на свой страх и риск, и больше

всего боялись, чтобы об этом не узнало их высокое академическое руководство. Официальная наука испокон веков чуралась черта, но, может, черт возьми, не так он страшен здесь, как его малюют дилетанты-журналисты, и стоит все-таки проверить чертовщину Зоны доступными современной науке средствами, чтобы дать хоть приближенный к истине ответ.

А может, тамошняя истина сегодняшней науке недоступна... А может, и наоборот, только нам, простым смертным, знать о том не положено. Наверное, инстинктивно чужа это, американские и наши журналисты раздраженно выдвигают предположение, что в СССР, в США, в Великобритании и т. д. лет 30—40 существуют, плодотворно действуя, сверхсекретные отделы при военных ведомствах, не только изучающие обломки «летающих тарелок» и трупы их пилотов, но и обращающие в свою — военную — пользу прямые контакты с живыми пришельцами. Что, мол, секрет антирадарного покрытия невидимого бомбардировщика «Стелс» американцы выманили у инопланетян...

«Фактически мы сейчас находимся в состоянии контакта, только не подозреваем об этом. Пришельцы угнездились в Зонах и тщательно нас изучают, одновременно подготавливая и «жестоким чудесам грядущего».

А. и Б. Стругацкий.
«Пикник на обочине».

Слухи слухами, но мне кажется, что отмена в СССР цензурного запрета на «инопланетянскую» тематику в 1989 году обусловлена тем, что нам, наконец, благодаря перестройке, удалось обменяться с американцами «сверхсекретной» информацией о НЛО, и мы выяснили, что зря подозревали друг друга в испытаниях нового оружия. Но если так, если обе стороны не виноваты, значит, «грешна» третья сторона. Какая? С планеты Трон?

...А я таки попытаюсь сделать хоть какие-нибудь выводы.

В пермской Зоне (а могут обнаружиться подобные ей и в других регионах) объективно существуют аномальные явления. Их надо изучать, применяя серьезные научные методы. Я не боюсь, несмотря на свою до сих пор неуверенность в инопланетной версии, что при этом могут возникнуть прямые подтверждения ее. Я боюсь других аномалий, связанных с этой проблемой.

Аномально то, что паломничество в Зону принимает массовый характер, все более окрашиваясь в мрачные тона средневекового мистицизма. Это не само заболевание, это сыпью проступает на теле общества социальная болезнь.

Аномально то, что все возрастающее число людей верит, что пришельцы с других планет решат за нас наши земные проблемы, что есть у нас хозяева-инопланетяне, они и определят, как мы будем жить дальше и будем ли жить вообще.

Аномально то, что отдельные люди, вынося из Зоны фанатичные убеждения в преподанных им откровениях инопланетян, одеваются массами в хламиды апостолов новой веры.

Аномально то, что представители официальной науки и властей не желают и не могут вступить в диалог с этими людьми, твердо, закостенело считая их сумасшедшими.

Аномально то, что, несмотря на бум в массовой печати, отмалчиваются военные, чьи действия, возможно, стали причинами хотя бы части этих аномальных явлений.

Аномально то, что ни одна из ответственных за безопасность, жизнь и здоровье людей организаций не реагирует на сообщения уже и в центральной печати о болезненных ощущениях, о нападениях (в иных случаях с применением оружия) неизвестных существ на землян.

Аномально то, наконец, что, десятилетиями знакомясь в фантастической литературе с разными моделями контакта, мы, в конце концов, оказались совершенно не готовыми к нему, демонстрируя инопланетным гостям (если они прилетели на самом деле) свое общественное бескультурье, психологию зевак. А если и не добрались пока до нас посланцы иных миров, — что ж, мы все равно показываем свою незрелость друг другу — разве от этого легче?..

«Не судите, да не судимы будете». Я знаю, что любой из тех камней, из которых я складывал эту горку обвинений, можно бросить в меня самого. Говорили мне экстрасенсы, что Зона поднимает глубоко упрямое, сокровенное из тайников человеческой души. Быть может, в свете непрерывающихся буден мне не удавалось заглянуть в себя, но вот сейчас заставили это сделать раздумья, связанные с походом в Зону, и — боже мой! — сколько дряни почудилось мне во мне...

Наверное, чтобы понять это, не обязательно идти в Зону. Инопланетянин сидит в каждом из нас. Это — наша совесть. И не одни только личные качества наши тому виной, что она, как пришелец, то призрачна, то реальна...

И размышляя об этом, я вновь и вновь перечитываю крик души первого Сталкера, его молитву:

«Я животное, ты же видишь, я животное. У меня нет слов, меня не научили словам, я не умею думать, эти гады не дали мне научиться думать. Но если ты на самом деле такой... всемогущий, всеильный, всепонимающий... разберись! Загляни в мою душу, я знаю, там есть все, что тебе надо. Должно быть. Душу-то ведь я никогда и никому не продавал! Она моя, человеческая! Вытяни из меня сам, чего же я хочу, — ведь не может же быть, чтобы я хотел плохого!.. Будь оно все проклято, ведь я ничего не могу придумать, кроме этих его слов: «СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ ДАРОМ. И ПУСТЬ НИКТО НЕ УИДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!».

Все истины, которые я хочу вам изложить, — гнусная ложь.

К. ВОННЕГУТ.

В ПЕРВУЮ пятницу мая, как повелось, мы выехали на профилактическое проветривание — рыбалку, удобно разместившись в двух машинах. Четверо развалились в тельном (только-кинапашинном) эмбле «Экстра 007-И», двое — в мосм. «запно рожце»: бензогрызовый развалюхе, в насмешку подаренной мне бывшим тестем. К тихой радости служаки — он спихнул мне машину за месяц до развода. — «запа» ежеутрине нервнует меня, отказываясь натошак опохмеляться безвинном. Часа два машины тархтели, спотыкаясь в стущающихся сумерках и дожде, выхватывая фарамн глянцевоы асфальтовыы плиты шоссе. На сто первом километре мы свернули на проселочную дорогу, еще минут двадцать — и машины выкатились на заросший кустарником и деревьями берег. Ребята быстренько выгребли из багажников барахло, установили палатки, подготовили сласти. Я тем временем наломал сучков, катааскал влажных веток, свалил в кучу, облил бензином и поджег. Через час шесть довольных физиономий растянулись улыбками, осоловело потягивая чай, приправленный безалкогольным ликером «Старый Арбат» и бесплатными дарами Космофлота. Всеобще-хорошему настроению тут поспособствовал Виталик: он служит в Челночном Филиале Космопорта, следовательно, ежедневно выносит литр спирта. Иногда и больше. Разговоры традиционно вертелись вокруг повседневных заморочек, дары Вакха словно делали их отстраненней и беспредметнее, разнообразия ради изредка включалась карусель воспоминаний детства. Время бежало, костер засыпал, друзья смеялись все натужнее; напоследок мы хором прогорлалили старинную тягловую песню баржевиков... После чего все залегли спать, а я остался покейфовать одиночеством возле искрометных головешек... Тишина-а... Мерный плеск воды, и кряхтенье лягушек, гоняющихся за удевшей еще рыбой... Вода смешалась с костром, лунным светом, общей бесцельностью под небом космической и космически нелепой мощи...

Мозг окутывал вязкий туман, я чувствовал настоящие домогательства сна, еще немного — и туман рассеется, превратится в легкую дымку, на свет костра выйдет волшебник в чудном колпаке и расшитом блестящими бархатом халате, волочаемся по мокрой траве... «Ну же, скорее», — позвал я...

НЕОЖИДАНЫЙ ветер заметался в кустах, с ним ко мне прилетел нежный, серебристый, как лунные брызги, голос: «До-обрый мо-олодец... а-а... у-у...! до-обрый мо-олодец...»

Я лежал на траве, за чертой, охваченной костром, и не верил, что голос реально проникает внутрь меня, ведь он родился на гребне полудремы... «Добрый мо-ло-де-ец...» — послышалось вновь: ярче и настойчивее. Я привстал, завертел головой, пытаюсь разобрать, откуда доносится голос, все еще надеясь, что меня умело разыгрывают друзья. Но когда в четвертый раз услышал: «Добрый молодец!..» — сомнения рассеялись. Голос обрел настоящий вес, но кто его хозяин: оперившийся юнец или?... скорее всего, меня призывно

тормошила и звала к себе девушка, нежная и прекрасная... по крайней мере, в это хотелось верить.

«Я здесь!» — позвала она, и я уверенно направился к дубу, как в сказке выросшему у самой воды. Костер сопротивлялся, но затухал: красные уголья еще светились, но уже не освещали. Три шага вперед — и меня окатила непроглядная тьма, я споткнулся и упал, близко соприкоснувшись с землей, особенно локтем и коленом.

«Осторожно, добрый молодец!» — голос девушки слегка задрожал, рассыпая колокольчики серебристых нот. Он и помог мне подняться...

— Кто здесь? — спросил я, подойдя к дубу. Звездное небо лунно оттенило женский силуэт. Я прищурился, вникая в мир ночных удивлений, — в неорганизованном переплетении ветвей и листьев, на толстом суку, сидела девушка. Длинные волосы струились вниз по плечам. Она взмахнула руками, освобождаясь из плена волос, перекинула их за спину, и мне... уох!.. открылась ее первозданная нагота. Незнакомка рассмеялась — оценила мое замешательство и смущение? — я же не знал, что сказать, что сделать: так и стоял, напряженно сглатывая, очумев от страха и восторга.

В суеете обыденной жизни красота женщины определяется качеством, а чаще количеством надетых нарядов. Девушка же на ветвях... ее тело светилось... да-да, оно не отражало лунный свет и свет звезд — оно его

БОРИС КРЫЛОВ

РУСАЛОЧКА

мой! Домой! Домой! Первоначальное желание выпустить ее обратно в воду и умыть руки улетучилось. Что-то мешало думать, чувствовать и поступать по-прежнему. Даже тот, залихватски иронический тон, которым я говорил с нею возле дерева и потом у костра, разбился о ее наивность и беззащитность, преданную веру в меня; даже теперь я не могу сказать наверняка, как и когда это произошло. Впервые, пожалуй, я столкнулся с живым существом, которое всецело зависело от меня, от моего каприза и произвола, и — нефигурально выражаясь — не могло без моей помощи ступить и шага. Зачем мы встретились, для чего? А пока единственное, о чем ее надо будет аккуратно попросить: пусть не называет меня «милый, котик». В ее устах слова эти звучат чрезвычайно пошло. Интересно, где она их подобрала? Слышала разговоры в кустах? Их много по берегу озера... уютных кустиков, к которым подгоняют «тачки»...

Ладно, парень, разве в словах счастье? Оглянись! Я осторожно склонил глаза: справа от меня, плотно прижавшись к моему плечу, взирала на свежий утренний мир моя русалочка.

ПРОШЕЛ месяц... Я проснулся засветло. Мара лежала рядом со мной, спеленутая мокрой простыней и утепленная целлофаном, чтобы вода быстро не испарялась... Мара первыми похрапывала, почти как «зани»: городской климат, окончательно свихнувшийся за последнее десятилетие, отрицательно сказался на ее здоровье. Мара все время находилась под градусом простуды: чихала, кашляла, сопливилась. А за последнюю декаду пристрастилась к храпу. Я сматерил для нее откидную «дневную» лежаночку возле стены с нагретыми трубами: русалка согревалась, но простыни высыхали быстрее, чем за час. Я взял на работе отпуск, отключил видеофон и не отвечал на задверные простукивания. Рассказывал ей самые веселые истории студенческих лет, я... да что говорить, любил ее — как мог.

Мара засочела во сне... Я осторожно выскользнул из-под одеяла, зацепил ноги в валенки, так как тапочки отсырели и развалились. Отсырела вся квартира: паркет надул щербатые щеки, моющиеся обои расслаивались мочалкой и отваливались вместе с пластинами штукатурки, с потолка неубавительно капало заливорот. Влажности сопутствовала промозглость: я укладывался спать в свитере, шерстяных носках, шапочке, в женских ризах.

Я накинул на плечи махровый халат; за окном колыхались одинокие снежинки. Термометр показывал минус два. Я отковырял форточку — нар повалил на улицу густыми тинными выхлопами — приткнулся носом к стеклу, взглядываясь в бедотню теней мудреного утра... Тучи, получив подкрепление, с новой силой навали на город: легкие пушинки слипались в густые хлопья.

Русалочка зашевелилась. Я тут же закрыл форточку. Что-то ей видится во сне? Может, озеро, покрытое льдом? А она плывет под ним и никак не может пробиться наружу...

Я проляхнул на кухню, вдавил клавишу трехпрограммного радиоприемника — только оно и работало при такой влажности. Да еще — электроплита. Динамик заскрипел, сквозь него пробился воинственный голос певчего кастрата, сожалеющего о несчастной жизни изможденных французских проституток: им приходится работать дено и ноцно, чтобы раз в сутки получить порцию жареных улиток и пирожок с морской капустой.

Русалка заскрипела кроватью — повернулась, взмотнула хвостом — раскрылась. Я вернулся в комнату, поправил одеяло.

— Ко-отик, доброе утро, — потянулась Мара. Я улыбнулся — именно ее движения напоминали кошачью разминку. — Что слушаешь?

— Музыкальную программу, посвященную несчастным французским проституткам, — без раздумий ответил я.

— Милый, а кто такие несчастные французские проститутки?

— Девушки, вынужденные торговать телом в обмен а тарелку жареных улиток и пирожок с морской капустой.

— Хочу пирожок с морской капустой...
— Морская капуста нам с тобой не по карману. Ею кормятся лишь несчастные француженки, наши девочки...

— А-а, — перебила Мара, возбужденно подрагивая хвостом, — а у нас? Они тоже есть, эти так называемые проститутки? И что значит «торговать телом»? Как мясом или рыбой — на вес, да?

— Ну-у, — я задумался: как же ей объяснить? — Понимаешь, есть разные девушки, даже у нас, как оказалось. Их долго не было, а однажды утром проснулись, открыли глаза — ба! Да их как после грибного дождя! А что касается расценок...

В этот момент Мара «переплыла» на бок, скинув одеяло с отдохнувшего разгоряченного тела, улыбнулась таинственно-завлекающе, выстреливая в самое сердце: а оно стояло от боли и желанья, от жалости и нежности к существу со дна морского. И к другому существу — хозяйню этой квартиры. Я отвернулся: налитая девичья грудь притягивала, но ниже, о боже, вся эта чешуя... содрать бы ее!

ОБЪЯСНИ, как они зарабатывают деньги на капусту? — кисло спросила Мара, почувствовав мое внутреннее напряжение, сопротивление ее протянутым рукам, она не понимала... Она многого не понимала: да и как ей объяснить все наше безумное бесполезное копошение? Когда человеческие чувства оказываются спрятаны на глухие задворки. Как ей объяснить, что она...

— Прости, девочка, я не смогу объяснить...

— Почему? — обиделась Мара, кажется, всерьез.

— Потому что ты, как бы это яснее..., не совсем жещина...

— Женщина должна нравиться мужчинам, так? — спросила она. Я кивнул. — Разве я тебе не нравлюсь?

— Нрависься! Я без ума от тебя!

— Так в чем же дело? — недоумевала русалка. Она постоянно, пока стереовизор еще работал, смотрела многочисленные программы, впитывая в себя идеи и нравы окружающего мира, но самого главного, о чем у нас не принято говорить, естественно, не поняла. «Женщина должна нравиться мужчинам!». А дальше?

— Не только нравиться! Женщину должны хотеть!..

— И ты... меня... не хочешь?!

— Хочу! Очень хочу! — разозлился я. — Хочу — не то слово!

— Не понимаю, — Мара готова была расплакаться, — ...вы — люди, странные существа, у вас на уме сплошные проблемы, без них вы не можете жить...

— Успокойся, Мара, наши трудности, нам их и репять... Вот, к примеру, девочка моя... — промямлил я, подбирая слова.

— Девочка? — переспросила Мара. — Сегодня ты впервые назвал меня девочкой, да еще повторил это слово. Ты разве забыл? Я жена твоя! И спим мы рядышком!

— Нет, не забыл. Но разве жена не может одновременно оставаться девочкой? Вопросы потом! Лучше скажи мне: когда двое «ваших» любят друг друга и хотят иметь детей, как они поступают, икру мечут?

— Мечут икру?! Да ты что! — возмутилась Мара.

— Если они любят друг друга, зачем им ругаться? Ага! Отрицательный результат — тоже результат.

— Ну, а как они поступают?

— Я не очень-то знаю, — потерла свой лобик русалка, — они прячутся в тинных зарослях и...

— Вот-вот! Расскажи-ка что дальше: «и...»?

— Нет, не знаю, — Мара вздохнула.

— Обычная история! — воскликнул я и хлопнул кулаком по колену. — И даже твоя «мать» не удосужилась рассказать тебе?

— Я никогда ее не видела, — печально ответила русалка.

— Прости, — замялся я, обнял Мару за плечи.

— Я не сержусь, — она осторожно откликнулась улыбкой, — просто ты никогда не спрашивал. Мама жила на суше: отец увидел ее, влюбился и утащил в озеро. Через неделю они поженились.

— Вот видишь! — выкрикнул я, по осекся, пригдушив радостный пыл, — значит, с твоей матерью было все нормально?

— Да. Но вскоре после моего рождения она умерла от тоски.

— Хм-м, печальная история, ничего не скажешь... Ну, а папаша?

— Он ничего не говорил, обещал, что за мной явится принц и все расскажет. Сам же повторял одно и то же: «Иметь дочку-русалку престижно». И потирал плавники — один о другой.

— Та-ак, — я задумался. — Ты говорила, что нарушила правила Лукоморья?

— Конечно, нарушила! Я считалась невестой Бесполого Принца Многонога.

— Бесполого? — вытаращился я.

— Да, — спокойно ответила Мара, — у него нет полости внутри тела. Как у тебя или у меня.

— Примем как аксиому, я — тот самый принц.

— Котик... — промурлыкала Мара, и еще раз. — Милый котик! Ты — свет очей моих, муж мой — единственный хозяин! Не мучай себя и меня из-за Бесполого Принца! Вот она — я — твоя навеки: делай со мной, что хочешь!

— Да я хочу! Но как? Скажи на милость: как?

— Как хочешь, так и делай, — предложила она, с тихим любопытством следя за мной.

У СПОКОЙСЯ, Мара, — сказал я, а сам досчитал до тридцати и обратно. — Я хотел лишь выяснить, каким образом на свет появилась ты?

— Я? Меня родила мама, ты знаешь...

— Но рождению твоему предшествовал акт близости родителей?

— Акт? Что это — сцена из видеоспектакля? — и русалка изограла, как драматическая актриса, глубоко вздохнула и повела плечами: одяло съехало с плеч, обнажив грудь... Я осторожно поцеловал Мару, сначала в губы, потом в шею..., осторожно, касаясь языком розового соека, — в урюкую грудь...

— О-о-о... — восторженно выдохнула русалка, — как сладко! Что-то оживает внутри, бьется, как второе сердце, греет... Еще, еще, еще милый, котик!

— Стоп! — обрубил я, вскочил с постели, открыл форточку. Мне требовалось охлаждение. — Вот почти-ка для начала, — я выхватывал с полок мощные разбухшие книги, листал, раскрывая на нужных страницах и главах, — в этих старинных изданиях написано короче и понятнее... «Биология» Вилли и Детье, «Анатомия» Свирадова, — перечислял я, — страницы: от сих до сих. «Женскую сексопатологию» Свядоша — от корки до корки, на сладкое — пятитомник Кона... — я раскладывал книги на кровати, в общую кучу попали Куприн, Бальзак, Боккаччо, Мопассан. Вспомнив, открыл тумбочку, вытащил из нее папку самиздата: — «Баня», «Японская комната» — тут и классика, и современная похабщина. Читать в обязательном порядке!

— Прямо сейчас?

— Да, прямо немедленно! И подумай — что можно сделать.

— Ты хочешь, чтобы я стала проституткой и смогла заработать на морскую капусту? — Чистые девственные глаза русалки наполнились слезами.

— Замолчи! — выкрикнул я, едва сдержавшись, чтобы не шлепнуть Мару по предхвостию, — какая к черту капуста! Если хочешь знать, наши девочки заколачивают такую капусту, что морскую покупают железнодорожниками шивмосоставами.

Русалка ничего не ответила, но плакать перестала. Несколько минут она переваривала информацию, потом тихо спросила:

— Неужели они так много зарабатывают?

— Еще бы! — кивнул я. — «Молчание — золото, — заявил о себе в-э-г, — если человек болтун, это надоедо». «Не понял? — переспросил я. — Поясни!» «Поживешь — увидишь...» — хохотнул оппонент. Я решил не задавать ему наводящих вопросов — выйду на улицу, там и разберемся. На душе почему-то мерзло,

— Ты куда, котик? — позвала притихшая Мара.

— В магазин за рыбой. Может, свежей перепадет. От чудес даже я не застрахован. А что?

— Спасибо, милый, ты такой заботливый... спасибо.

Уходить не хотелось, но еще сильнее не хотелось оставаться. Долотом отковырнув крышку серванта, я достал семейную реликвию — серебряный портсигар, осторожно засунул его во внутренний карман куртки.

— Сколько купить рыбы? И какой? — спросил я.

— Если сможешь достать, — бочку. Но только живой...

Я чуть не пал, представив себе бочку рыбы — пятьдесят килограммов! Придется и обручальное кольцо прихватить.

Портсигар и кольцо, обретя во внутреннем кармане куртки, как и во всей моей жизни, логичное завершение, наладнились в скупку.

О ТСТОЯВ многострадальную очередь, я получил за серебро и золото больше, чем рассчитывал, — полтора куска. Залечатанную пачку я сунул во внутренний карман, где обосновался и в-э-г. Деньги — россыпью — оставил в наружном. «Давай их сюда, кретин!» — предложил в-э-г, одновременно поставив диагноз, и оказался прав. Я последовательно объехал на бензогрызе с десяток рыбных магазинов — пусто. Пустым оказался и карман, из которого улетели полтыщи. Интересно: куда? На юг или на север?

Потом, в коопторге, сговорился с бородастым «дядькой», который за четыре сотни обещал к вечеру подвезти живой рыбы. Я выкручивал руль, вдрызг разнося снеговую мяшу, окунаясь в предчувствие — большое и хорошее — явно несбыточное.

Вот и родной дом. Одновременно со мной, у раздолбанных дасрей, забытых фанерой, притормозил грузовик. Из него, в голубой униформе, снеговиком выхватился «дядька», подмигнул мне, шепнув, что удалось достать все пятьдесят килограммов рыбы, правда, не односортовой, но крайне свежей, так что за качество и оперативность — хорошо бы отстегнуть еще столярник. Я не стал торговаться.

Подручные «дядьки», радостно-бородастые снеговики, ловко, как дустоту, выхватили из кузова столитровый аквариум и рысцой поскакали вместе с ним по лестнице.

— Эй, жлобы, только не звонить, — крикнул я вдогонку. Они понимающе заржали, эхоируя в пролетах, до меня донеслись обрывки разумной речи: «...на волю... нес... си». Я открыл дверь: жлобы внесли аквариум в прихожую, засуетились: «Сир, ве? Кьюда?».

— Прямо в ванну! И воду пустите!

— Ой! Какая тут дамочка лежит! — воскликнул «дядька», заглянув в комнату. Подручные-снеговики прискакали на зов хозяйина, вытинув шею, вперившись в Мару.

— Это моя жена — Мариана, — застобил я из прихожей, прислушиваясь к плеску рыбы и завыванию крана.

— Здравствуйте, господа, — поздоровалась русалка.

«Господа» приветственно-понимающе закивали, помятались.

— Прощеньца просим, — хихикнул «дядька», — мы, знаете, на одну минутку. Рыбки вам свежей привезли...

— Спасибо, господа, — поблагодарила Мара.

Три снеговика, не вынеся приторно-буржуазного обращения, раскланываясь и руладыруя «спа-си-бо-за-по-ку-ку...», как раки, за-дом-на-пе-ред, выползли из квартиры. Я рассмеялся.

— Котик, — позвала Мара, голос ее дрожал.

— Не волнуйся, — ответил я, входя в комнату: русалка лежала на боку, закутавшись в покрывало. Книжки и печатные листы стопками грудились рядом с постелью. Какой-то том Мара сжимала в руке, видимо, читала его до моего появления.

— Какая там рыба? — спросила Мара, опустив игол Куприна.

— Сейчас посмотрю, — ответил я, ошеломленный епочалью, и, пошел в ванную. Кран натужно скрипел, раскрыв ему рот как можно шире, даря живой рыб максимум возможного. Рыбки повеселели, закружились хороводом: пескарки, караси, окуни, плотва, карпы. И ту же — гуппи...

— Муж мой нежный, друг мой ласковый, — позвала Мара, — иди же ко мне...

Я бросился в комнату, упал на колени подле кровати:

— Девочка моя радостная... — и уткнулся головой в покрывало.

— Да, котик, ты прав — я еще девочка, но я знаю, как помочь и тебе, и себе... — ее колотило нервным ознобом, но говорила она тихо, сдерживаясь, — я поняла... я еще не человек, не женщина, я... я еще... и без придела...

— Зачем! Нет! — закричал я, — не говори так! Ты — чудо дивное! Это мы — все вокруг — нелюди — мы-ы! — Слов не хватало, слов не существовало, они исчезли, как исчезла мерзкая плоть, именуемая «Якотик», вдруг оказавшись и дальше, как во все предыдущие жизненные и нежизненные циклы, плыть по течению, покачиваясь и воняя...

— Остановись, не спорь, не перебивай, послушай меня, — Мара лохматила мне волосы, трепала уши, — я люблю тебя и, надеюсь, ты... тоже меня любишь...

Я завертел головой, поймал, крепко сжал ее ладонь, уткнулся в них, прошептал: «Мара, девочка любимая...»

— Спасибо, милый... теперь я уверена в тебе... и в себе... Я решила стать женщиной настоящей женщиной.

ведь пока я — чудо-юдо, — она зажала рот мне ладонью, отвергая возражения, — отнеси меня в ванную! — и спросила, подхваченная и крепко прижатая, — там много рыбы?

— Пятьдесят килограммов.

— Спасибо, — повторила она. — Неси меня скорей, опусти в воду и оставь одну на трое суток, хорошо? Нет! Молчи! — поцелую наполнила губы, — молчи! Мой принц, мой мальчик! Не спорь, я сама должна... И сделаю все, на что способна: получится — стану настоящей женщиной, нет... — стану рыбой безмозглой...

— Остановись! Не смей! Я люблю тебя такой, как ты есть!

— Неси! — приказала Мара, крепко вцепившись в мой плечо. — Неси, иного выхода нет!

Я отнес ее в кипящую рыбью воду.

— А теперь — уходи! — сказала она, не отводя глаз.

— Вода холодная... — протянул я, сопротивляясь из последних сил, — может, теплой добавить?

— Ты же знаешь, моя вода — ледяная. Но я исправлюсь, я изменюсь, стану теплой, стану горячей, сделаю тебя богатым и счастливым! Ты... ты только дожись меня, хорошо?

— Что ты такое говоришь?

— Дождись меня, но возвращайся не раньше, чем через трое суток, и ничему не удивляйся, ничего без меня не предпринимай! Поцелуй меня... — я коснулся холодных губ. — Чао! — выкрикнула Мара, нырнув, и волосы разбежались по воде...

Сам не свой, я захлопнул дверь и вышел на улицу.

ЛУЖИ примораживало к земле. Ветер шелестел ислевшими прошлогодними листьями. «Как я мог оставить ее одну? Бросил? Выходит, что так. Ну, чего я к ней пристал? Нет у нее ног и не надо! Пусть будет хвост». Я представил себе Мару: мягкие волосы, нежная грудь, огромные бездонные глаза, ласковые пальцы, розовый язычок, алыс губы. «Разве ты не мог обойтись всем этим? Тыфу, скотина! О чем ты все время думаешь?! Неужели в душе не осталось святого и светлого?» «Осталось, — поправил меня вз-гэ, — ведь твои фантазии никогда не обретут реального подкрепления. Именно чистота русалок защищает всех нас от полного падения...» «И тебя?» — удивился я, но безответно. «Наверное, ты прав...» — вздохнул я, вспоминая, как носил Мару на руках, как целовал в мочку уха, как окунал ее в воду, умилаясь, а она, шалунья, ревелилась в айсбергах взбитого шампуня.

Куда же мне идти? Вновь повалил снег, наполнил аллею парка. Холодно и мерзко. Прибавив шагу, я решительно приступил к поискам видеофона. Только в третьей кабине аппарат не был изуродован, но и он, сохранив монетку, заснул, замигал слепым глазом: контактный экран не срабатывал. «Только, ты?!» — наугад заорал я. «Точно так!» — хрипанула трубка. «Узнаешь?» — «Кто, кроме тебя, может так орать?!» — обрадовался Толик. — Ты где, пропадающая твоя душа?» — «В двух шагах».

— Вовремя брякнул. На хате — пустыня. Теща потащила посмотреть участок, семейство — за ней.

— Далеко? — поинтересовался я.

— Где-то у черта на рогах. Вернутся через педелью.

— Неделя отменяется. Приюти на три ночи. Идет?

— О чем речь... Подваливай!

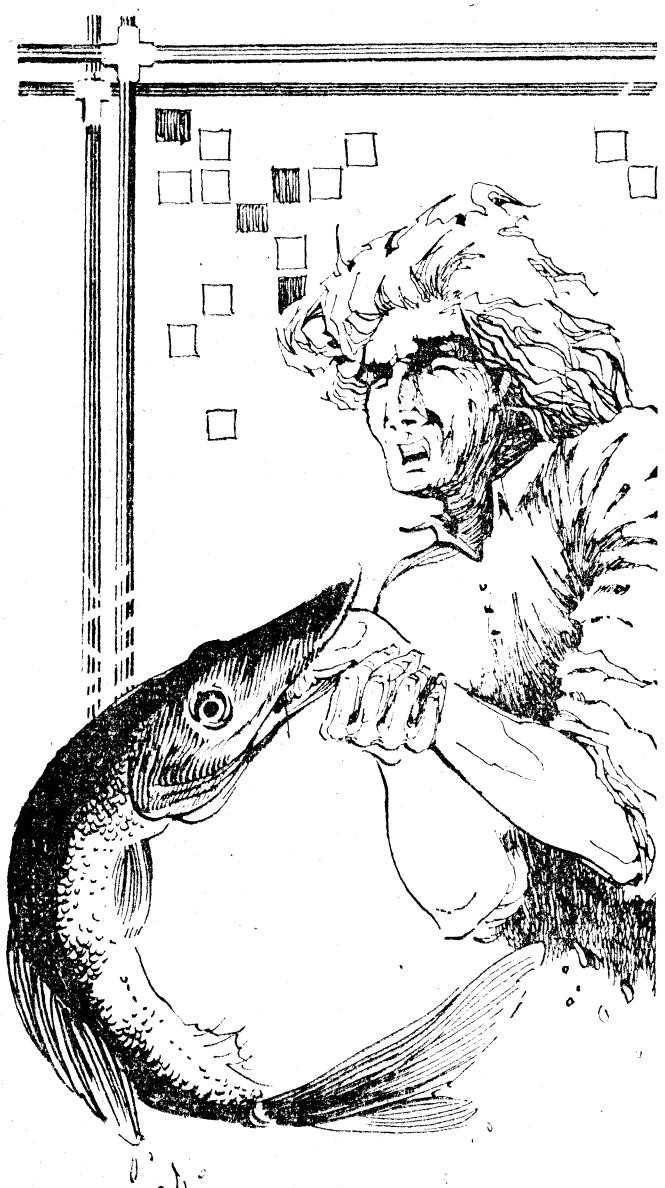
ВЫПИВКА есть? — без предисловий спросил Толик и, хмыкнув, выпятил нижнюю губу, видя, как я растерянно пожимаю плечами.

Я причмокнул, передразнив его, и достал из кармана стопку бумажек.

— Откуда? — удивился Толик, — неужели, как все нормальные люди, начал воровать? Была не была, для начала скинемся по две сотни, идет?

Я махнул рукой, соглашаясь на любые варианты. «Пьянству — бой! — вынырнул вз-гэ. — Про меня не забудьте!».

— Давай-ка заглянем к одному барыге, — сказал Толик, начиная взвинченно собираться, — и возьмем у него пару ящиков сла-ав-ной ба-арматухи.

Мы пили не торопясь, но планомерно. Вино шквалами рыданий расплескивало слежавшиеся вороха переживаний. Я говорил о русалке, о большом чувстве, которое она возродила во мне, о любви и нежности... Толик, плача в ответ еще горше, твердил, что не верит ни единому моему слову... но рад за меня, рад за Мару, рад за себя, рад за девушку по имени Лиззи — я так и не понял, кто она такая, — рад за всех влюбленных на планете Земля, рад за всех существ, занимающихся любовью в обозримом секторе Галактики... Какое-то время мы нелицеприятно обсуждали его жену, тещу, на что Толик произнес свой известный и единственный тост, что лучше смеяться над собой до свадьбы, чем после нее. Постепенно собиралась вся наша рыболовная артель: пьяный бред слабо разнообразивался бредовыми сновидениями, после чего винопитие возобновлялось. Время сжалось пружиной, распрямилось: неделя исчезла, как не было ее никогда.

Я резко протрезвел. Толик представил меня теще, отвлекая ее. Пока мы раскланивались да расшаркивались, ребята набили пустыми бутылками три мешка из-под тушенки и вынесли их на лестничную площадку. Толик, побрызгавшись и переодевшись, пригласил меня в эмос, доезд до дома. Мы вбскали по лестнице, вломившись в квартиру; никого... ни в комнате, ни в кухне, ни на балконе... Из ванной, куда первым заглянул Толик, изверглись громовые раскаты его хохота: скрючившись, сложившись пополам, он подергивался, сжимая руками живот, пытаясь справиться с собой.

— Это... — произнес он, уловив короткую паузу, — она и есть, любимая твоя... русалочка?.. — и захохотал дальше.

В ВОДЕ — меж листьев и травы — пряталась огромная щука. Я вытолкнул Толика взашей, он не сопротивлялся, продолжая гнусно хихикать. — Ну и бабу ты себе отхватил! — гаркнул он, погружаясь вместе с кабиной в шахту лифта. — Ну и красавицу!

Я зарычал, сжал кулаки, шнул металлическую решетку...

Этажом ниже скрипнули полудверки лифта: — Не пей больше, друг ситный, ладно? — слышался вбедливый голос Толика. — Право слово, добром не кончится.

Я размокнул кулаки о бестрастное железо, в истерике завертелся юлой — и стал.

Все, все кончено. В беспмятстве глядя под ноги, словно боясь споткнуться на ровном полу, пошел к себе.

Опустившись возле ванной, слатывая слезы, я смотрел на пятнистую рыбину, которая стояла в воде не шевелясь. Как она могла так себя изуродовать? Я погладал щуку по кровавой хребтине:

— Что же ты сделала с собой, девочка моя дорогая! Ведь мы так любили друг друга... «Любили? — напомнил о себе беспощадный вэ-гэ. — Она — да! А ты? Кого, кроме себя, любил?»

— Ее любил! — сказал я, продолжая поглаживать щуку. «Любишь и пьешь, пьешь и любишь, а по-трезвости совни пускаешь». — Ты не прав!... — застонал я, пальцы разжались, отпустили рыбину, но остались в болючей воде; щука лениво выгнула хвостом, резко вернулась и вцепилась мне в кисть...

— У-ой! Отпусти! Гадина! — от неожиданной боли я стиснул зубы, прикусив язык, выдавив из него горько-соленые капли. Щука, не сонная, не старая, не болючая, как разнужданная сторожевая собака, рыча, терзала мою ладонь: по воде потянулись ручейки, расплываясь розовыми пятнами крови. Моей крови!

— Ах ты тварь! — другой рукой я схватил щуку за хребет, поднял ее в воздух и принялся дубасить рыбиной по краю ванной. Щука извивалась, разбрызгивая чешую, хрустя костями, но челюстей не разжимала: я крушил ею все вокруг минут двадцать, пока не схватил молоток и не проломил щуке череп. Лишь тогда она засудорожила и безвольно повисла на руке, но челюстей — волюще хватку — не ослабила. С трудом приподняв руки — вместе с рыбиной — я открыл входную дверь, вышел на площад-

ку. Рядом жила врач-хирург, известный специалист в области космической травматологии. Я уперся носом в пупочку звонка, дважды сообщив в себе. Хвала всевышнему, она оказалась дома!

— Костя? — сказала соседка, открыв дверь, глаза и рот.

— Да вот, приютил животину, а она меня отблагодарила...

— Проходите! — кивнула она, помогая перебраться через порог: я так ослаб, что меня качало... рухнул прямо на пол...

— Потерпите, Костя, начинаем обработку.

Я потерпел, еще раз, и еще два. С помощью специальных кусачек она обломала щуке резцы, высвобождая мою синюшную кисть из пасти оконечившей твари. Руке после укола чуть полегчало, но душа не смогла бы отойти и от десятка пятидесятиграммовых мензурок спирта, типа той, налитой соседкой для дополнительной дезинфекции.

— Что вы намерены делать с рыбой? — спросила тетка-доктор.

— Давайте, оставлю ее вам? — сказал я, — мне с ней не управиться — стухнет...

— Давайте, — согласилась догадливая хозяйка. — Попробую сварить уху и накрутить котлет. А вы приходите на ужин, хорошо?

— Хорошо, — кивнул я и наклонился к мертвой рыбе. — Щу-чка мой-аа... — прошептал я, — любимай-аа май-аа... я убил те-бя, й-аа, й-аа... собственными руками, — слезы капали на пол, на пятнистую шкуру щуки.

Хозяйка пригнулась, насторожившись, прислушиваясь к алкогольным излияниям, а я, не понимая себя, продолжал завывать.

— Может, еще капнуть, — осторожно заметила соседка.

Я замотал головой:

— Не-по-мо-жет...

— Костя, — жестко произнесла докторша, — идите домой, вам необходимо отдохнуть, это реакция на кровопотерю. Я сама зайду вечером. Только никуда не выходите одни! Вы меня слышите?

Я кивнул, шатаясь добрался до постели, плюхнулся на нее...

Я СПАЛ долго, тихо и бессновесно, а когда проснулся, рука почти не болела. Для верности наново перетянул повязку, встал с постели, наклонил на плечо пальто и подошел к окну. Пока мы пили, погода, как видно, времени не терпела. В опущении блестящих зеленых паутинок стояли деревья, в парке, одетая в легкие фуфайки, гомозилась детвора, строя запруды весело журчащим ручейкам. Я решительно распахнул балконную дверцу, и магкий душ парной теплоты с ног до головы окатил меня. Я вынул из кармана халата пачку сигарет и, облокотившись на перила, глубоко затянулся. Внизу, прямо под ногами, по изгибам и пересечениям улиц, гарцевали разноцветные эмобы: из-за угла вылетела сверкающая новая модель «Жигу-люкс-спорт», промчалась по противоположной параллели, развернулась на площадке и подкатила к нашему дому, смешнее того, к моей парадной. «Интересно, что за штука пожаловала в гости? И к кому?» — спросил вэ-гэ. «Почему ты думаешь, что это не он, а она?» — переспросил я, но собеседник, уклонившись от ответа, замурлыкал какую-то песенку. «Эй, — я хлопнул вэ-гэ по спине, — если она, то к кому? По всему нашему стояку, сверху до низу, одни врачи и инженеры...» Мы молча смотрели вниз: дверца супер-эмоба плавно отъехала в сторону, освободив дорогу стройной ножке, та вынырнула до бедра, ослепив черню-золотым узором, за ней появилась сестрица, такая же стройная: каблучки простукали шершавую поверхность асфальта, убеждаясь в его прочности. Вслед за ножками, элегантно выгибаясь, из дверцы эмоба явилась на свет очаровательная кошечка в замшевом полуальто — с меховым воротничком. «И не жарко ей», — почувствовал вэ-гэ. Я не ответил. Изящно выпорхнув из пальто, «кошечка» рассыпала по плечам сверкающий водопад волос, и они лениво растеклись по малиновому бархату платья. Что-то отчаянно знакомое почувдилось в этом жесте...

— Котик, спускайся вниз, — донесся до лос русалки.

Я мигом оказался на лестничной площадке — скорее, скорее на улицу. Мара стояла, ослепительно улыбаясь, в ожидании... я огляделся — меня! Стройна, как богиня, прекрасна, как королева красоты. И рядом с ней — я, пен-тюх-пентюхом, в драном халате, в самостийно залатанной майке, в голодных — ни год, ни два — просящих каши тапочках.

— Здравствуй, принц мой ясный! — пропела она, устремляясь ко мне с поцелуями наготове. — Это а! Я! Твоя русалка, твоя Мара! Ты что, не узнаешь меня?

— Узнаю, конечно, узнаю! — самодовольно ответил я, опереточно раскрывая объятия, — откуда ты?

— Ты хочешь знать? Но я сделала все так, как хотел ты: стала женщиной, стала богатой наследницей Царя Морского!

— Женщиной?! — икнул я и заглянул Маре в глаза, она тут же отвела их, — женщиной?! Как прикажешь понимать твоё признание? И с чего это ты взяла, что я этого хотел?!

— А кто мне рассказывал, кто давал читать! — она гордо вскинула брови. — Я всему научилась и... я не могла вернуться с пустыми руками. Вот, посмотри, — она подняла дверцу заднего сиденья, вытащила дипломат, при-

открыла его: толстопузые пачки сотенных бумажек доверху наполнили его. — Держи! — она сунула мне дипломат, и я подхватил его забинтованной рукой. — Что случилось?

— И-нет, и-ничего страшного! — ответил я, пряча руку вместе с дипломатом за спину. (Двусмысленное действие, но Мара не заметила!). Наоборот, она плотно прижалась ко мне: «Оо-оо-оо! Ты такой бесподобно колочий!»

— Пойдем, — потянула к багажнику после мурр-цаузы, открыла.

— Что это?

— Японский стереовид и сто кассет к нему. Ведь ты всегда мечтал его иметь, помнишь, как рассказывал мне?

— Да, мечтал, — чего тут спорить, — но откуда он у тебя?

— А тебе не все равно! — за дни отсутствия Мара научилась сердиться. — Я купила стереовид на честно заработанные деньги!

— Честно заработанные деньги? — переспросил я, и что-то оборвалось во мне.

«Ты слышал? Понял, как она заработала эти деньги?» — прошипел в-э-э.

— Ты... — Мара сжалась, задрожала, из ее глаз потекли слезы. — Ты сам рассказывал, как прекрасен и благороден труд гетер, как хорошо он оплачивается!

— Так, значит, это я вытолкнул тебя на панель?

— Панель? — переспросила Мара. — Какая панель?

— Получается так, что ты пошла по рукам благодаря моим стараниям? — разозлился я.

— Да пропади оно все пропадом! — закричала русалка. — Если ты откажешься от меня, — я умру! Я не могу жить без тебя, любимый мой, хороший мой, дорогой, любимый, принц, муж...

— Прости, прости, прости, — залепетал я, прижав ее к себе.

— Да, да, да, — шептала Мара в ответ, продолжая реветь навзрыд, безудержно. Я обнимал ее, гладил плечи, спину, волосы, не зная, что сказать, как успокоить. Всю предыдущую жизнь меня учили иному искусству — умению обижать... Прохожие оборачивались в ехидном экстазе единения соглядатаев, наиболее настырные и принципиальные свешивались из окон и с балконов. Какая-то толстенная тетка, проходя мимо, прошептала: «Возвращение блудной дочери...», спровоцировав новую бурю слез русалки. Ну, что за сволочный народ! Когда их спрашивают, они единодушно молчат, но когда следует тихо пройти мимо, такой хай поднимают...

— Пойдем домой, — шепнул я, осторожно обнял Мару за талию.

Мы долго поднимались, ежесекундно тормозя движение лифта, вновь знакомясь, сладко прижимались друг к другу и в перекрестках нежных взглядов неустово затягивались километровыми поцелуями. Но вот дверь кабины — обе полудвери — окончательно распахнулись, решетка сдвинулась: на площадке нас ожидала заботливая соседка.

— О, Костя! В полном порядке? Что ж, это лучше из лекарств. Я звоню, волнуясь — никто не отвечает, — женщина-хирург улыбнулась и продолжила для Мары. — Добрый вечер, девушка. Несколько часов назад я вытащила Костю из пасти страшной рыбины...

— Щучка? Что с ней... — охнула Мара.

— Тварь болотная мертвая! — ответил я, вспоминая победу в кровавой битве.

— Что ты наделал! — закричала Мара и бросилась в квартиру.

Я дернулся следом, но соседка остановила меня:

— Костя, — тут-то я и заметил, что она держит кастрюльку. — Возьмите рыбные котлеты, они, кажется, получились.

ТУФЕЛЬКИ валялись в прихожей. Мара, сгорбившись над ванной, беззвучно рыдала. Все вокруг — кафель, фаянс, краску — ровным слоем покрывала рыба чешуя и пятна крови.

— Что ты наделал, глупый принц, — прошептала девушка.

— Что? — спросил я, нелепо держа перед собой кастрюльку.

— Ведь я просила тебя ничего не предпринимать!

— Что?
— Глупый-глупый принц! Щука — моя лягушачья шкурка!

— Не может быть! — воскликнул я и выронил подорок соседки — котлеты из волшебной щуки раскатились по полу.

— Она уравнивала мое пребывание в твоём мире, в облике... но теперь... мне придется... вернуться...

— Но я не отпущу тебя!

— Нет, глупый принц, нельзя.

— Я достану тонну живой форели!

— Бесполезно... — ответила она и медленно начала раздеваться: платье, комбинация, узорные чулки, трусики поочередно расставались с ее прекрасным бронзовым телом и горкой ложились на пол. Я схватил Мару за руку, обнял ее, она оперлась на мое плечо и переступила трагический барьер.

— Опомнись, любовь моя! — Кто кричал: я или взгэ? Или вместе? Да разве имеет значение!

— Поздно, — ответила русалка, погружаясь в воду. На моих глазах стопы ее срослись, покрылись чешуей, ноги превратились в хвост. Хвост подогнулся, увлекая русалку за собой в мутную, пахнущую тухлятиной воду. Но я не отпущал Мару, наоборот, еще крепче прижимал к себе: Теперь я не мог ее отпустить, теперь я буду держать ее, пока хватит сил...

— Отпусти меня, любимый, — попросила русалка.

— Ни за какие деньги! — воскликнул я.

— ДЕНЬГИ? КАКИЕ ДЕНЬГИ? — раздался гнусавый голос из спяек водопроводной трубы.

— Золото-брильянты, — ответил я, не соображая, откуда доносится голос.

— ЗОЛОТИШКО МЫ ЛЮБИМ!

— Нет у меня золота! И брильянтов нет! — тут я увидел дипломат. — Бумажные подойдут?

— МНОГО? КАКИМИ КУПЮРАМИ?

— Сотенными... тебе хватит...

Пробка, закрывавшая сток, с хлопком вылетела наружу, вода вспенилась, забулдила, перемешалась с тиной и грязью.

— ОТПУСТИ ЕЕ, КОЛИ ЖИЗНЬ МИЛА!

— Что? — крепко держа Мару, я исхитрился сложить фигу, — а это ты видел?

— ИНЖЕНЕРИШКА НИЩИИ! ОТПУСТИ, ПОКА ЦЕЛ!

— Ни-за-что! — неторопливо ответил я, растягивая слова, догадываясь, что за гость к нам пожаловал. — Ты понял, что я сказал, клизматрон подводный? Убирайся-ка подбери-поздорову!

— ВОТ ТЫ КАК! ГОЛЬ ПЕРЕКАТНАЯ! — из воды высунулась волосатая лапица. — НУ ДЕРЖИСЬ, МУЖИК-ЛАНОТНИК!

— Отпусти меня! Иначе мы оба погибнем! — завизжала Мара.

— Еще чего! Стану я бояться этого зачуханного гермафродита!

— УУУ!!! — взревел голос, как пожарная сирена. — НУ, ТЫ МЕНЯ ДОСТАЛ! СЕЙЧАС Я ТЕБЕ ПОКАЖУ, ГДЕ ВАКИ ЗИМУЮТ!

— Откуда тебе знать, подводному дерьмому!

— ЫЫЫУУУ!!! — завыло чудовище, лапа потянулась ко мне, как свихнувшийся пожарный шланг. Многочисленные пальцы раскачивали воздух в поисках моей шеи.

Левой рукой, еще крепче, я обхватил русалку за талию, оттащил в угол ванны. Правой, наощупь, нашел на полу кастрюльку и хватил ею по пальцам-змеям.

— ММХА-ХА! — чудовище ловко вырвало из моей перевязанной руки пустую алюминку. Я сгреб с пола несколько котлет, запустил ими в пасть, раскрытую меж волосатых пальцев.

— УУ-УХУХУ! — возволило чудовище, подавилось, закашлялось. — ЧТО ВЫ СДЕЛАЛИ С МОЕЙ БАБУШКОЙ? КТО ПОСМЕЛ НАДРУГАТЬСЯ НАД ВОЛШЕБНОЙ ЩУКОЙ?!

— Так-таки и волшебной?! — рассвирепел я. — Собака цепная твоя бабка! И ты такой же! — и схватил с пола, что под руку попалось, — дипломат с деньгами. Хотел было врезать им по лапе, но дипломат раскрылся, распался

на две половинки: одна пачка проскочила прямехонько в пасть, а другая шлепнулась на поверхность болотной жижи. Лапица жадно схватила ее, запахнула в пасть. Чудовище, глотнув болотной воды и запив подношение, значительно менее агрессивно пробормотало:

— ЭТО НАМ ПРАВИТСЯ! ПРОШУ ПОВТОРИТЬ!

— Ах, нравится! — обрадовался я, — только не дром, ассенизатор!

— ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ?

— Плачу наличными. Снимай с Мары чешую!

— Я НЕ МОГУ! ОНА ЗАКОЛДОВАНА!

— Как это — не могу?! Взятки брать — могу. Хапать за один присест по десять тысяч — могу! Снимай чешую, морской козел! Ни копейки даром не получишь! Меняю бумажку на чешуйку!

— МММ! — заскрипело чудовище, зашевелило мозгами. — МММ!

— Котик! — русалка прильнула ко мне, дрожа от холода: она стала теплокровной, как обещала! — Будь осторожен, этот гомик жаден и очень хитер.

— Я ПРОСИЛ НЕ ОБЗЫВАТЬСЯ!

— Молчать, погань, когда девушка говорит! Не хочешь меняться — я сейчас все сожгу!

СТОЙ! Я СОГЛАСЕН! ОТПУСТИ ЕЕ В ВОДУ! Оказалось, что я держал Мару на весу, над болотной жижей. Я опустил ее в смердящую трясику, волосатые пальцы прикоснулись к чешуйкам, растворили их... И поехало-поплыло: я только успевала подбрасывать сотенные: чешуйка — бумажка, бумажка — чешуйка. Процесс длился долго, и когда мы подобрались к ступням, — деньги кончились...

— ИХХА-АА! — радостно возопило поганое чудовище. — ВОТ Я ВАС ВСЕХ! НЕ УИДЕТЕ!

— Забирай машину, ублодок, — крикнула девушка. Именно девушка — чешуйчатые ласты исчезли, освободив ступни. Я рывком выдернул Мару из болота. Девушка дрожала, ее колотило от холода, боли и восторга. Я вынес ее на сушу, осторожно поставил на полотенце в прихожей.

— Одевайся, девочка, — поцеловал в плечо.

— Ты знаешь..., милый... — глаза Мары расширились от удивления, — я... я... в самом деле... девочка...

На улице заурчал мотор эмоба, прощально завизжали колеса.

— Ну-у?! Мы в расчете? — крикнул я: из фановой трубы вырвался мучительный, рвотно-рефлекторный звук. — Не захлебнись, оглодь! — Я шагнул в ванную, уставился на болотную поверхность: жижа вспенилась, не желая утекать внутрь труб, на поверхность зловонной густоты выплыло несколько сотенных бумажек: пожеванных, смятых, частично переваренных. Что-то захлопало в трубе, закрутилась ровная воронка, унося с собой грязь...

Я на полную громкость включил горячий кран. Запер на задвижку дверь. Славненько!

— САДЮГА! ЗАКРОИ КИПЯТОК! — из ванной вырывались душераздирающие вопли.

— Не фиг зариться на чужих принцесс! — крикнул я и запел: «Слава-слава во веки веков всему свободомыслящему племени водопроводчиков и отопителей!».

Входная дверь, в забывчивости не закрытая на замок, распахнулась:

— Константин, — спросила соседка, — это не вы ищете собаку?

— Нет, не он, — улыбнулась Мара, — она так и стояла, не тушуясь, не прячась от постороннего взгляда.

— Вы великолепно сложены, — сказал женщина-хирург. — Костя, такое сокровище необходимо носить на руках!

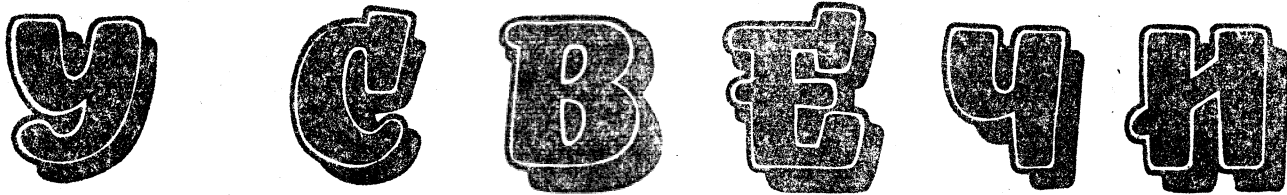
— Понял, — улыбнулся я, подхватывая Мару. И, пока я нес ее до постели, входная дверь захлопнулась, закрываясь на все замки.

— А вода... — простонала Мара, покусывая мне мочку уха и увлекая за собой на подушки.

— А-а! Пусть ее течет все время, пока мы любим друг друга, пока нам хорошо вместе. Пусть она отведит всякое постороннее дерьмо от поделушиваний наших живых скрипов! Я не прав?

— Ты всегда прав, мой мальчик...

ЮРИЙ ШИНКАРЕНКО

СВЕЧА стояла на площади Осьминога, в самом центре пластилинового города. У ее серого, запыленного основания раскинули свои шатры торговцы, неторопливо разъезжали извозчики, изредка задевая подножие свечи громоздкими телегами и оставляя на нем царапины. Озорные мальчишки любили рисовать украдкой на ее восковых боках веселые рожицы.

А вершина свечи уходила высоко-высоко в небо, и там среди звезд бился зеленоватый язычок пламени, освещая серый пластилиновый городок: восемь улиц, расходящихся от площади во все стороны. Пламя свечи колыхалось, и разноцветные блики трепыхали на остроконечных крышах домов, на флюгерах.

Каждое утро по одной из восьми улиц шел маленький серый человек. Кривая улица расширялась и выводила человека на площадь. Он наклонялся к глухой стене дома и смотрел, как собираются на площади люди. Мимо проходили трубочисты и лавочки, шарманщики и кузнецы. Серый человек, у которого даже имени не было, ловил на себе случайные взгляды прохожих и ждал. Он ждал, когда кто-нибудь подойдет к нему, протянет руку и скажет: «Я знаю, что ты страдаешь от одиночества, но теперь мы будем вместе. Согласен?»

Но шли годы, оплывала потихонечку свеча, а к серому человеку так никто и не подходил: кому нужен серый уродец без одной руки, на которую не хватало пластилина?

А еще на площади в любой миг можно было увидеть Квака. Он каждое утро появлялся у свечи и разгуливал по площади, выпятив большой живот и исподлобья разглядывая людей. Квак тоже страдал без друга. Ему очень хотелось иметь рядом с собой преданного человека, чтобы без стеснения заглянуть к нему на ужин, одолжить денег, попросить помощи. Но Квак терлся: кого лучше выбрать в друзья? Шарманщика? Будет весело, но не очень сытно. Булочника? Будет сытно, но не очень весело. Так и ждал он год за годом и никак не мог решить, кто ему нужнее.

А пластилиновые люди пели, грустили, суеились, покупали и продавали и совсем не замечали собратьев, один из которых ЖДАЛ, другой — ВЫБИРАЛ.

В то утро было все как прежде. Только свеча полыхала в вышине особенно ярко, и булыжники на площади сияли, словно рыба чешуя.

Серый человек подошел к стене дома, по привычке откинулся на нее,

по привычке стал рассматривать прохожих.

«Трудно будет отделаться, — подумал он, — от этой страшной привычки жить ожиданием».

Тикали часы на восьми башнях, пиками огороживших площадь, одни — глухо и надрывно, другие — весело и беззаботно. Каждые четверть часа специальные устройства выплевывали из ржавых часовых коробок пригоршню голубоватых градинок. Их было ровно девять сотен — по числу прошедших секунд. Может, и не ровно... — но проверить никому не удавалось. Град, как стайка тлей, скакал по мостовой. Не успев успокоиться, он таял, оставляя после себя извивчатые струйки какого-то газа, стремительно ускользающего в небо.

«Тому ли надеяться на старость, кто ничего не нашел в юности? — думал серый человек. — Вот бы чудо!.. Вот бы перестали таять голубые крошки, разом поднялись с булыжников и слетелись в ржавые коробки!.. Все было бы иначе. Я бы не стал ничего ждать, а просто жил среди людей и для людей (моя единственная рука многое умеет), — и кто-то назвал бы меня своим другом».

Но голубое конфетти таяло безвозвратно...

Серый человек поднял глаза к часам, чтобы увидеть, как бесплотное время обретает вид и вес и снова становится бесплотным и недосягаемым — уже навсегда. Часы в очередной раз выстрелили, и легкая метель — уж не пенопластовая ли! — взвихрилась над площадью.

Человек опустил глаза и увидел Квака. Тот держал перед собой ладонь, на которой раскачивались две струйки газа и тянули вверх свои ядовитые головки.

«Скоро свершится! — думал про себя Квак. — Вот они — две мои секунды! Пойманы, поняты и приручены! Двенадцать лет я прозрел, чтобы понять: две умело найденные секунды — и мир подчиняется мне! Двенадцать лет потребовалось, чтобы я, старый осел, понял банальную истину: никогда не нужно выбирать. Нужно пытаться взять все целиком. Что ж, двенадцать лет — неплохая плата за мое будущее. Сейчас свершится!..»

Струйки газа оттолкнулись хвостами от ладони и серебристыми угрями стремительно нырнули в глубину неба. Квак плюнул на ладонь и поднял руку вверх, определяя направление ветра. Вытер ладонь о штаны и украдкой глянул на пламя свечи.

МАЛЬЧИШКИ суеились над огромными змеями. Их веселую гурьбу связало несколько ломаных линий из толстых ниток. Еще минута — и линия распрямится, увлеченная взлетающим змеем. Но змеи не успели взмыть в воздух. Неожиданно меж сидящих на коротках змееводов появился Квак, и серый человечек с ужасом увидел, как ступни Квака цепляют и рвут непрочную корду. Мальчишки поднялись с мостовой и окружили его грозным кольцом.

«Ему еще хуже, чем мне, — отчаянно подумал серый человек. — На меня-то просто не обращают внимания... Но лучше пусть совсем не замечают, — лишь бы не стояли напротив со скатыми кулаками! Как это больно: не имея друзей, окружать себя врагами!»

Квак громко оправдывался: «Аэро-стат... балласт... и газ... секунды... пойманы для вас...» — услышала старая площадь.

Вдруг змееводы радостно запрыгали вокруг Квака.

«Простили! — насколько смог, оправдывался человек. И тут же смешал радость с горечью. — А меня бы не простили! Ах, если бы я не был так жалок! Если б нашелся хоть один человек, которому мои слова принесли столько счастья!» Квак протянул старшему какой-то ключ, и мальчик бросился бежать, наступая на хрупкие ребра змеев. Другой согласно кивнул Кваку и тоже сорвался с места. А вся компания перебралась под башню с часами.

Большие стрелки на часах приближались к двенадцати, когда над разморенной площадью послышалось два несхожих звука — сухой и мокрый... Это два кваковских гонца спешили под башню насстречу друг другу. Один волочил за собой огромный, растянутый до прозрачности бычий пузырь, другой нес два ведра воды, и вода плескалась на булыжники.

«Где вы, две мои секунды? — хотнул про себя Квак. — Вы уже почти коснулись друг дружки и скоро сольетесь в миг торжества — МОЕГО ТОРЖЕСТВА».

Он растянул горловину пузыря, и мальчик опрокинул туда оба ведра с водой. Крутобокая вода оторопело лежала на булыжниках, привыкая к новой неволе.

Стрелка на часах сомкнулась с glavной риской, и тотчас струя недолговечных шариков стремительно пронеслась из распахнувшегося окошка, чтобы удариться о мостовую и рикошетом превратиться в метель. Но ей не дали

долететь до земли. Квак проворно подставил под струю пузыри, запахнул его и перевязал горловину алой лентой. Отшел в сторону. Мальчики прижались к Кваку, и их улыбочные рожицы то и дело прожекторами освещали угрюмую... эту самую... Квака.

А бычий пузырь на глазах раздувался, как обжора, страдающий закупоркой газов. Он приподнялся над мостовой, попытался увернуться от воды — перекувыркнулся: вода, как белка в колесе, тугой струей обошла весь бычий пузырь и застыла холодным озером — кем же, интересно, вынутым из берегов? Слово понимая, что от балласта не избавиться, огромный литой шар направился вверх по диагонали — все же дул ветер, и даже он может управлять временем, если оно не ускользнет секундой, если его много-много...

На площади заметили шар и, закрываясь козырьками ладоней от пламени свечи, смотрели, как шар поднимается выше и выше. Вскоре он закрыл собой пламя, и часть людей облегченно освободила глаза от козырьков. Оказалось — преждевременной! Тени от домов резко дернулись. Яркая вспышка полоснула по глазам. Люди зажмурились, ничего не понимая, а когда открыли глаза, черный мрак залил пластилиновый город. А в глазах не могла уняться, все прокручивалась и прокручивалась недавняя картина: вспышка, хлопьями сажи парящие в воздухе лохмотья пузыря, клубок вскипающей воды опускается на пламя, струйки-секунды, разбегающиеся по своим направлениям, отомстив за короткое заключение.

Захлебнулась песня шарманщика. По площади волнами поплыл слабый пепельный свет — огромные, бегущие по небу тучи на мгновение открыли холодные звезды. В холодном сиянии угадывались черные, застывшие от испуга фигуры людей. Основание свечи медленно покрывалось инеем, вскоре веселые рожицы, нацарапанные мальчишками, скрылись под его толстым слоем.

— Помогите! — слабо крикнула какая-то женщина, и пластилиновые человечки бросились к ней, страхнув оцепенение!

«Достаточно было зова, чтобы привлечь их внимание, — подумал серый человечек. — Взгляда было недостаточно.

Люди сбились в одном месте, утешая женщину, но каждый из них был готов сам прокричать это отчаянное «Помогите!». Они так нежно и искренне успокаивали испуганную женщину, что даже Квак расчувствовался.

«Я знал, что они всегда откликнутся! — думал Квак. — Как хорошо, что я не обратился за дружбой к первому попавшемуся! Как был бы стеснен этой дружбой! Вот он, великий миг, когда я могу подружиться со всеми!»

Он вышел вперед и громко крикнул: — Я знаю, как победить Беду!

— Как? — спросили его с надеждой.

— Нужно зажечь свечу. Взять факел и поджечь фитиль.

— Ах, как просто! — вздохнула толпа.

— Он все берет на себя! — прошепел

стело в рядах. — Какой он находчивый. Какой смелый! Мы не замерзнем — у нас есть умный и решительный Друг!

— Да! — согласился Квак. — Вы не замерзнете и даже не простудитесь, потому что у вас есть я — ваш главный Друг. Я от вас ничего не требую, все делаю бескорыстно, по-дружески. Каждый из вас найдет способ отблагодарить меня.

Квак на мгновение исчез в темноте. Появился он с уже готовым факелом — сосновой дубиной, пахнувшей смолой, на конце дубины было намотано тряпье, пропитанное керосином.

«Поразительное проворство!» — подумал серый человечек и вдруг почувствовал, как какая-то ледяная безысходность наполняет его.

— Я свое дело сделал, — сказал Квак. — Я бы довершил его, поднялся на свечу и зажег фитиль, но как на зло, у меня сегодня болит желудок. И я бы плюнул на него, но знаю, что мою работу доведут до конца мои верные друзья, нежно меня любящие... Кто возьмет факел?

Темнота будто ступила: темные силуэты людей исчезли с площади, подались назад, к стенам домов. Лишь какой-то замешкавшийся мужчина остался в центре площади, у подножия свечи.

— Я доверяю вам!.. Гордитесь!

— Горжусь, — промямлил мужчина, — но я панически боюсь высоты — у меня головокружение.

— Мне доверьте, дяденька! Доверьте, пожалуйста! — к Кваку подбежал растрепанный змеевод и потянулся за факелом. Но не успел его взять. Со скоростью лихой пролетки из толпы выбежала тучная женщина, задвинула мальчишку за себя и артистически улыбнулась Кваку:

— Ему тоже нельзя! У него... это самое... кружевогололье.

Квак медленно пошел на толпу, а люди так же медленно отодвигались от него и, наконец, уперлись плечами в глухую стену дома.

— Неужели нет добровольцев? — сурово спросил Квак.

«Ах, какие мы трусы, боже мой, какие трусы, — вскрикнул кто-то в темноте, — мы не достойны иметь такого друга!»

— Добровольцев нет! — с угрозой спросил Квак и вдруг заметил серого человечка. Тот стоял отдельно от толпы, кутаясь в тонкие лохмотья.

— Взять факел! — рявкнул Квак и протянул сосновую дубину серому человечку. Человечек вздрогнул и опустил голову, хотя вряд ли кто в темноте разглядел бы выражение его глаз и слезы на них. Он молча взял единственной рукой факел и побрел к свече.

— Подожди, зажечь нужно... — ласково промурлыкал Квак. Он чиркнул спичкой, и прокеросиненные тряпки дымно вспыхнули. Красное зарево прыгало в глазах пластилиновых человечков. Глаза восторженно смотрели на Квака.

Серый человечек вытянул вперед руку с факелом и поднялся на первую ступеньку. Ступеньки, вырубленные в воске, спирально опоясывали свечу.

«Вторая рука не помешала бы... — грустно подумал серый человечек, нащупывая ногами опору на обледеневших ступенях.

— Кто пожалел для меня пластилина?»

Он поднимался все выше и выше. Ветер стал крепче и холоднее. Серый человечек глянул вниз и пошатнулся от страха. Площадь казалась отсюда маленьким пятачком, от которого во все стороны разбегались, сужаясь к концу, восемь кривых улиц. И кольцо крепостной стены было лишь чуть больше обрубального. И кольцевая широкая эспланада — пустырь перед крепостной стеной, — которой так гордились горожане и которую так любили мальчишки, выглядела лишь ниткой, вправленной внутрь кольца. Тучи ушли, и городок нежно светился серебром в свете дальних, холодных звезд. А дальше, за крепостной стеной, во все стороны раскинулись черные леса, без конца и края.

— На всякий случай отойдите от свечи, — сказал толпе Квак. — Сорвется — насмерть кого-нибудь зашибет...

— Ах, какой случай отойдите! — в изнеможении от своего чувства простонала какая-то дама.

Но серый человечек был уже наверху. Черная, обгорелая змея фитиля лежала в плоской воронке, бугристой от застывшего воска. Человечек перешагнул неровный барьер, на котором кончалась последняя ступенька, и стал спускаться к фитилю.

И вдруг заметил на скате воронки наклоненную к фитилю бочку, а рядом — ведро. В бочке поблескивала вода. Серый человечек задрожал. Нет, не от холода, с ним он давно свыкся.

Мысли были простые и ясные: «Ловко придумано. Бочка на скате. Подтаивающий воск... Значит, пузырь взлетел не случайно. Как прошел он от стороны над свечой — у Квака припасена бочка... Все-таки он смельчак, этот Квак. Столько раз с ведром подниматься на такую верхотуру!»

Серому человечку вдруг захотелось последний раз взглянуть вниз, на людей, но нужно было торопиться — факел догорал. Да и не увидать ничего на земле. Далеко были люди. Рядом — звезды.

СЕРЫЙ человечек вычерпал воду из бочки, выплескивая ее прямо на ступени. Вырубы в воске покрылись зеленым льдом.

«Теперь по ступенькам сюда не подняться, и никто не сможет вновь заполнить водой эту опасную бочку», — подумал он и побрел по бугристому склону к толстому черному фитилю.

Фитиль был холоден, как льдинка. Пришлось долго водить факелом по его закопченному боку. Воск вокруг фитиля начал подтаивать, и серый человечек почувствовал, как его ноги медленно уходят все глубже и глубже.

Последняя мысль мелькнула в его голове: «Он неоднозначен...». Про мир он так думал, про Квака ли — никому этого не узнать.

Неожиданно фитиль дрогнул, очнувшись от своей ледяной спячки, и высоко пыхнул синеватым пламенем. Пламя прижалось, дернулось, закрутилось и спираль и поднялось высоко в небо.

Но серый человечек уже ничего не видел. Лишь темное пластилиновое пятно осталось на дне воронки, рядом с

попыхающим фитилем, да потухший факел.

...А внизу ликовали люди. Квака подняли на руки, восторженно понесли по площади. Каждый норовил пригласить его в гости. Шарманщик и булочник даже подрались, выясняя, кто из них нужнее Кваку. Но потом помирились и вместе придумали такое, что горд ахнул от зависти.

— Мы предлагаем, — наперебой заговорили они, — поставить нашему Главному Другу, нашему Спасителю памятник на площади Осьминога. Неужто не найдется человека, который смог бы вырубить бюст нашего героя, запечатлеть на века этот благородный мясистый нос, эти породистые щеки, этот аристократический лоб над благороднейшими глазами!

Нашли скульптора, и вскоре на гранитном постаменте возвысился бюст Квака. Из самого дорогого материала — ослепительно белой оконной замазки. На граните постамента готическими буквами выбили простое и торжественное — «СПАСИТЕЛЮ».

Памятник осыпали цветами. Горожане устроили вокруг него хоровод. Гремела музыка. Огромные шутики выписывали в праздничном воздухе цветные зигзаги. Камзол Квака, расшитый золотом, слегка потускнел — каждый норовил прижаться к Спасителю, сунуть в его пухлую ладонь свой подарок.

Вдруг! Кто-то вскрикнул и показал пальцем на памятник.

...Этого невозможно объяснить. То ли замазка оказалась слишком мягкой, то ли пламя свечи пригнулось слишком низ-

ко, как бы там ни было, но бюст пришел в движение. Толстые щеки оплыли, выжав широкие скулы. Лоб раздвинулся. Выражение глаз тоже изменилось — ни лукавства, ни довольства. Только грусть, глубокая грусть и ожидание чего-то виднелось в огромных серых зрачках.

Многие узнали серого человечка. Того самого, который утром поднялся вверх по ледяным ступенькам. Того самого, который так и не спустился вниз.

Серый человечек смотрел с пьедестала на своих сограждан. Робко, но с настойчивым ожиданием.

У памятника сбилась толпа. Неуютно чувствовали себя люди под этим молчаливым взглядом. Но никто не ушел.

Стояли. Молчали. И каждый о чем-то думал.

Геннадий Фадеев ПАРАДОКС ДЕДУШКИ

МОЙ дедушка родился, когда меня еще и на свете не было. Дедушка говорит, что раньше все так делали, не то, что нынешние. Теперь все по-другому: мой младший брат, например, родился 15 сентября 1637 года в городе Толедо. Маму посадили во время-лет, а через три дня она вернулась уже с братом. Дедушка этих современных глупостей не признает. Он говорит, что раньше люди не советовались с врачами, в каком месте какого века ребенку удобнее всего родиться, а рождались — и все тут. И только крепче были. Он у нас старой закалки, теперь таких уже нет — и все такой же крепкий и юдрый, как и тогда, во времена подготовки к Первой Межзвездной Экспедиции. Дедушка был ее капитаном.

Конечно, тогда люди вообще были сильнее, но у дедушки, кроме отличного здоровья, был еще брат-близнец, начинающий писатель, который остался на Земле, чтобы потом, когда дедушка вернется, проверить на нем «парадокс близнецов».

Про подготовку к Первой и про то, как мы улетели, все нают из книг дедушкиного брата. Там написано, что перед отлетом к дедушке приходил дальний родственник, чтобы отговорить его от Экспедиции, а дедушка сказал: «Кто-то же должен быть Первым!». За эти слова мы все гордимся дедушкой.

Сам я родился на обратном пути. Капитаном экспедиции тогда уже был папин брат, а дедушка стал главным историком.

Когда мне было шесть лет, нас посетили первые гости. Сначала мы подумали, что это инопланетяне, потому что етели они, как и мы, к Земле, но потом оказалось, что это наши, только их корабль гораздо быстрее, и они уже успели облететь там же, где и мы, и еще в нескольких местах, а

теперь догнали нас на обратном пути. Прямо у входного люка они устроили дедушке овацию, а их капитан сказал, что все они знают его великие слова и гордятся ими.

Потом, когда они у нас в кают-компании пили чай, их капитан рассказал, что дедушкин брат, ставший известным писателем, сочинил книгу про их с дедушкой жизнь и про то, как к дедушке приходил дальний родственник, чтобы отговорить его, и что дедушка ему на это сказал. Брат писал, что этими словами может гордиться каждый землянин.

Они допили чай и улетели, потому что им надо было еще заскочить на одну планету в стороне от нашего курса.

Потом нас посетили другие гости с Земли на новом, очень быстром, звездолете, который направлялся в другую галактику. Они объяснили, что их корабль вообще не летает, а нуль-транспортируется, так что до этой галактики они доберутся в пять минут, но они специально сделали остановку, чтобы почтить моего знаменитого дедушку и весь наш славный экипаж, потому что мы были Первыми.

Капитан этого нового звездолета подарил дедушке трехтомник мемуаров брата (однотомное издание у дедушки уже было с предыдущего посещения) и сказал, что эта книга известна каждому человеку и даже переведена на некоторые инопланетные языки, так что по всему космосу известны гордые дедушкины слова: «Кто-то должен быть Первым!».

Потом к нам зачастили. Вокруг нашего корабля постоянно кружили несколько звездолетов новейшей конструкции. Стало доброй традицией каждый раз, как только корабль отправлялся куда-нибудь очень далеко, залетать к нам. Почти ежедневно у нас в кают-компании кто-нибудь пил чай.

По правде сказать, не все гости вели себя достойно: некоторые удивлялись самым простым вещам — пуговице, блокноту, сахарным щипцам... А один даже попытался свинтить никелированную ручку со шкафчика для продуктов.

Все гости восхищались дедушкой и говорили, что он очень похож на актера из фильма о дедушкиной жизни по сценарию брата-писателя. Я этот фильм уже видел, там дедушка в конце встает и говорит дальнему родственнику: «Кто-то ведь должен быть Первым!».

Гости все-таки старались вести себя тихо, потому что знали: дедушка очень скромный (об этом писал его брат) и не любит славословий в свой адрес (так там написано), и только когда он выходил из каюты, все начинали шептаться: «Вот он! Смотрите! Первый идет!».

К себе в каюту дедушка никого, кроме меня, не пускал, все это знали и называли «милыми чудачествами великого человека». Говорили, что там, в стальной клетке, сидит живой девятиглаз, и дедушка кормит его из рук. На самом деле там не было ничего, кроме моих игрушек, потому что иначе их все растащили бы (это дедушкины слова) на сувениры, и дедушкиной рукописи, в которой он рассказывал, как все было на самом деле.

Дедушкин брат к этому времени издал полное собрание своих сочинений, историю нашей семьи, отдельно — жизнеописание всех дедушкиных друзей и знакомых и книжку для самых маленьких о нашей экспедиции.

Однажды нас посетил гость на времялете. Это такой корабль, на котором можно перемещаться не только в пространстве, но и во времени. Новый гость не таращил глаза (это дедушкино выражение) на чайник и не открывал рот при виде авторучки, потому что побывал на времялете в таких местах, где шьют сапоги и пилат дрова. Он мне рассказал, что ловил на удочку в реке Фонтанке рыбу корюшку.

Тогда я ему сказал, что дедушка очень не любит посетителей, но я попрошу, и, может быть, дедушка согласится с ним встретиться. Так и получилось: дедушка очень заинтересовался времялетом и попросил объяснить ему устройство корабля. Времялетчик рассказал, как надо управлять приборами, а потом мы втроем пошли пить чай.

В кают-компани было много народу. Разговор, конечно, зашел о тех легендарных временах, когда отправлялась Первая, и гости, польщенные дедушкиным вниманием, поперебой стали цитировать его брата — особенно то место, где к дедушке приходит дальний родственник и уговаривает его остаться. Дедушка, против обыкновения, не сердился, не говорил, что брат все перепутал, а когда прозвучали его знаменитые слова, не застонал, не схватился за голову и не ушел из кают-компани. Он даже добрым словом вспомнил брата-писателя.

Тут мама принесла пирог к чаю, и все стали восхищаться ее кулинарным талантом, а дедушка незаметно вышел. Вдруг что-то хлопнуло и свистнуло, новый гость вскочил и закричал: «Времялет! Мой времялет!». Оказалось, что дедушка зачем-то залез в корабль и улетел на нем неизвестно куда.

После того, как прошел первый испуг, новый гость успокоил папу с мамой, сказав, что ничего плохого с дедушкой не случится, потому что специальное устройство при малейшей опасности отправит его обратно. Еще он сказал, как ему стыдно, ведь по его вине произошла эта оплошность. Он ведь, собственно, и залетел-то сюда совершенно случайно, только чтобы взглянуть на моего великого дедушку, ведь о нем столько написано...

Тут другой гость сказал, что любопытство-то всему и виной. Нам всем должно быть стыдно, сказал он, ведь это мы своим назойливым любопытством довели великого человека. У великих людей, не испугавшихся произнести эти великие слова: «Кто-то должен быть Первым!», — тоже ведь есть право на личную жизнь.

— Ведь верно? — спросил он у мамы.

— Ничего-ничего, мы уже почти привыкли, — сказала мама.

В это время опять что-то хлопнуло, свистнуло, и времялет появился на прежнем месте. Из него вышел очень смущенный дедушка. Ни на кого не глядя, он прошел в свою каюту и с порога поманил меня пальцем. Когда я вошел, он запер дверь, усадил меня, сел сам и задумался.

— Я был у него, — сказал он наконец.

— У брата? — спросил я.

— Брата не было дома, — ответил он, — повезло ему...

Тогда я пошел к этому мальчишке. Сказал, что я его дальний родственник. Уговаривал его остаться...

— К кому?

— Да к самому себе!.. Этот балбес даже не слушал меня. Я ему говорил, как будет трудно, сколько будет опасностей, а он — он что-то там еще насвистывал! Он улыбался!.. Здоровенный парень, под потолок ростом, а плечи такие... — дедушка покосился на зеркало. — Я как ни уговаривал, ни убеждал его, под конец выложил даже то, о чем говорить прежде не хотел: «Молодой человек, за Первой экспедицией будет вторая, третья, а ваш корабль устареет раньше, чем вернется. В конце концов еще в полете он превратится в музейный экспонат, в повод для написания мемуаров!».

Дедушка помолчал и вздохнул:

— Не!.. Каков храбрец! Знать, во что ты превратишься... он опять посмотрел в зеркало, — ...и все равно... Знаешь, что он мне ответил? Конечно, говорит, следующие корабли будут лучше, но, — ты послушай, сочинитель и тут перервал! — но ведь все равно кому-то придется начинать.

Михаил ПУДОВКИН

Легионеры под Танаисом

[ФИНАЛ IV ВЕКА ОТ Р. Х.]

Двусмысленное выбора Париса
Сраженья предстоящего исход...
Гиперборейский берег Танаиса,
Встречай колоннальный римский флот.

Крысиный ход залившего стока —
Болотной Меотиды узкий лаз, —
Так вот она — велением пророка —
Ta terra nulla, цезарев наказ...

Здесь и холмы, и перекаты гладки,
Здесь волны лишь лелеют корабли,
Здесь стены низкой ионийской кладки
И со стенами вровень ковыли.

Ни огонька, ни шороха, ни звука.
Покою берег, недвижим лиман.
Безмолвная руина акведука
Укутана в предугранный туман.

Все бемятежно, просто и доступно,
И меж тобой и смертью полумгла,
И ветерок, несущий запах трупный
От города,
колышет выпела.

Еще мечи сирийские без дела
Томятся в ножах, блеклы и мертвы,
Но горизонты сжались до предела
Натянутой в полсны тетивы.

Чтоб кровь скорее землю обогрела,
Все разрешая раз и навсегда,
Наш верный кормишко, круче правь
кормило,
Где плоть грубее и черней вода.

Пусть смертный запах вольницы
великой
Накроет нас, неотвратим и дик,
Загнутых акинаков повиликой,
Ядреным сеном савроматских пик.

Пусть судеб наших малые таланы
В залог того, что все предрешено,
Горстями рассыпают роксоланы,
Меня на ахайское вино...

Пора! Пора! Приказ — оставить
триумы.
На сходни встали первые ряды —
Легионеры движутся, угрюмы,
Вольней тех воль и той черней воды...

Святослав ЛОГИНОВ

Взгляд долоу

— Пожалуйста, — сказал Яфмам, — прошу!

Он наклонился над столом, навис, широко расставив руки с растопыренными пальцами. Сонд напрягся, но все же не сумел заметить того момента, когда стол украсился десятками тарелок, подносиков, горшочков и соусников. В некоторой растерянности Сонд созерцал дымящееся и благоухающее великолепие.

— Начинать можно с чего угодно, — пояснил Яфмам, — и на чем угодно заканчивать. Неужели вы еще не заметили, что у нас можно все? В разумных пределах, разумеется.

Сонд осторожно придвинул к себе ближайшую салатницу, попробовал. Было вкусно. Даже слишком вкусно, как и все здесь.

«Еще неделя, — подумал Сонд, отодвигая вторую тарелку, — и я не влезу в космошлюпку, корабль уйдет без меня, меня оставят худеть, а здесь я никогда не похудею. А вот Яфмам умудряется быть тощим».

Яфмам сидел напротив, склонившись над зеленым желе-ным брусочком. Воткнув в него соломинку, Яфмам лениво посасывал, и брусочек потихоньку уменьшался, почти не изменив формы.

На улице с шумом и криками носилась ребятня. Обычные детишки, совсем такие же, как и на Земле. Хотя одно отличие есть: всемогущее родительское внимание язв оберегает детей — ни у кого не видно царапин, не найти разбитого носа, ободранных коленок. И костюмчики новенькие, чистые, словно их владельцы не валялись в пыли и не мчались по кустам.

Иногда по дороге проходил кто-нибудь из взрослых. Они тоже были изумительно похожи на землян, но вид любого из них заставлял бы схватиться за голову земного врача. Все были неестественно сутулы, даже попросту горбаты. Шеи сгибались дугой, подбородок упирался в грудь, словно прохожий рассматривал пыль под ногами. Сонд уже знал, что такая осанка вызвана не анатомическими различиями, которых у землян и местных жителей почти не было. Странное уродство вырабатывалось долгими мучительными упражнениями. «Взгляд долу» был обязательной принадлежностью любой ритуальной поэмы.

— Яфмам, — сказал Сонд, — я гощу у вас уже четвертый день, многие мои товарищи тоже гостили у ваших соплеменников, а вот из вас почему-то никто не побывал на нашем корабле. Я приглашаю вас сегодня одного или с друзьями.

— Это совершенно невозможно, — отозвался Яфмам. Изогнувшись вопросительным знаком, он одним движением ладони стер со стола ужин, потом, опустившись на подушки, пояснил:

— Я не суверен и не думаю, как некоторые, что вы занимаетесь зеркальной магией, но боюсь, что ваши дела все же опасны и могут оказаться заразными.

— Зеркальная магия? — переспросил Сонд. — Что это? У нас на Земле когда-то пытались заниматься черной магией. Но ничего не получилось.

— Что такое черная магия?

— Это магия, нацеленная на то, чтобы причинять вред другим.

— Похоже, — признал Яфмам. — Но зеркальная магия опасна прежде всего для самого мага.

— Тогда почему же...

— Болезнь, — коротко объяснил Яфмам. — И довольно заразная. Больной начинает применять свои способности для запретных дел и гибнет. В крайнем случае — становится калекой и уродом. Чаще всего больной пробует летать, говорят, это можно сделать с помощью зеркала. Отсюда и название — зеркальная магия. Конечно, он падает и разбивается. Потому-то большинство людей считает ваши полеты вредными и

пагубным соблазном.

— Вот оно что! — воскликнул Сонд. — Почему же вы не сказали раньше? Мы бы немедленно запретили все полеты.

— Как можно запретить другому? — удивился Яфмам.

— Мы бы попросили прекратить полеты, — поправился Сонд.

— Вы добры и отзывчивы, — Яфмам поклонился.

Сонд знал, что обмен любезностями может продолжаться часами, и поспешил сменить тему разговора.

— Яфмам, — сказал он, — а вы не могли бы продемонстрировать ваше умение перед приборами? Вы же знаете, что в них нет ничего злого. А нам это, возможно, помогло бы освоить магию...

— Нет, нет, я боюсь, — отказался маг. — Но я мог бы попробовать обучить вас. Согласны?

— Согласен! — быстро сказал Сонд. — Что для этого нужно?

— Ничего. Сядьте поудобнее, расслабьтесь. Теперь примите позу и начинайте думать о предмете ваших желаний... Только думайте так, словно никогда в жизни ничего не желали сильнее...

На мгновение у Сонда вспыхнула надежда: вдруг получится? Но тут же погасла, убитая трезвой мыслью: что пожелать? О чем он мечтал в своей жизни до самозабвения, истово и безнадежно? Полететь к звездам? Он этого добился.

Первая любовь? Сонд представил, как на столе перед ним материализуется женская фигура, и, усмехнувшись, потряс головой. Нет, живой человек это не чашка кофе. Такого желать нельзя, это, должно быть, из области запретной зеркальной магии. Что еще? Подлинную грязюру Дюрера? Но все они известны специалистам и хранятся в музеях, а еще один подлинник вряд ли сможет создать даже магия. Ладно, не надо подлинников! Копии грязюр, венское издание конца прошлого века! Это, конечно, тоже не чашка кофе, но объект для мечты подходящий.

Сонд изогнулся, распластал над столом руки и сосредоточился. Он добросовестно, страница за страницей, представлял себе венский альбом, воображая себя его владельцем. Мультиязыкий голос Яфмама доносился к нему словно сквозь вату:

— Огонь в мозгу сливается с огнем солнечного сплетения, жар в ладонях — готово!

Сонд открыл глаза. На столике стояла фарфоровая чашечка, полная черного кофе.

— Вот видите! — шумно радовался Яфмам. — Сначала это трудно, затраты кажутся неоправданно большими, но потом будет легче. Главное — не забыть о позе. Голова должна быть опущена всегда, энергия начнет накапливаться, и материализации можно будет делать без всякой подготовки. Не распрямляйтесь! Ну зачем вы?.. Ведь у вас получилось с первого раза, хотя считается, что взрослого человека обучить невозможно... Зря вы стерли позу.

Сонд помассировал затекшую шею, потом взял чашку, отхлебнул. Оказалось вкусно, но это был не кофе.

— Простите, Яфмам, — сказал Сонд. — Дело в том, что получилось у вас, а не у меня.

— Мне очень хотелось вам помочь, — признался Яфмам. Они поднялись, вышли на улицу. Там уже почти никого не было, дело шло к вечеру. Совсем земное солнце клонилось к положим верхушкам холмов, которые тоже казались совершенно земными. Перистые облака над головой подсвечены розовым, предзакатное небо отликает зеленью.

«А ведь они этой красоты не видят, — вдруг подумал Сонд. — Сидят, уставившись на пуп. А что с того имеют, кроме вкусностей? Даже искусство у них мелкое: тонкая резьба, орнаменты, безделушки да украшения. — Сонд искоса взглянул на Яфмама. Тот шагал, сосредоточенно глядя под ноги. — И люди красивые — эта мысль легла еще одним доводом в пользу созревающего недовольства, — жаль горбатыми кажутся, а все из-за поэмы. — А ты подумал, — одернула он себя, — что сам кажешься Яфмаму младенцем-переростком? А он возится с тобой, старается помочь, хотя наверняка боится, что ты все-таки заразный. Что же это за штука такая — зеркальная магия? Вдруг земляне на самом деле больны, потому и не владеют колдовством?»

Громкий крик прервал его мысли. Сонд вскинул голову и увидел отпечатавшую на фоне неба черную человеческую фигуру. Широко раскинув руки, она парила в зените, и оттуда

доносился вопль, полный торжества, смешанного со страхом.

Яфмам, услышав крик, согнулся, словно его ударили, спрятал лицо в ладонях, и два или три человека, бывшие на улице, повторили этот жест, стараясь укрыться от того, что происходило наверху. Один Сонд стоял, вскинув голову, и смотрел на парящую фигуру. В следующую секунду он понял, что человек не летит, а падает.

Далее Сонд действовал автоматически, словно кто-то другой мгновенно активизировал скрытые под одеждой антигравитацию и взмыл вверх, а сам Сонд лишь отмечает мелькнувшую землю, скорчившихся людей, фигуру, выпустившую блестящий круг, и тысяческопленный зов, когда круг коснулся камней. Человек падал медленнее тяжелого зеркала, и Сонд успел на последних метрах настичь его, вцепиться и затормозить, прежде, чем они ударились о землю.

Сзади подошел Яфмам.

— Зачем ты это сделал, Ииас? — печально спросил он.

— Я хотел летать, как они, — сказал Ииас. — Но я не мог увидеть неба, не мог представить его, ведь я почти не помню, как был маленьким и смотрел на небо. Поэтому я сотворил зеркало. Я не колдовал с ним, я только хотел увидеть в зеркало небо. Я сам не знаю, как очутился наверху.

— Это и есть зеркальная магия, — Яфмам покачал опущенной головой. — Ты заболел небом, Ииас, это не вылечивается.

— Но вы говорили про инфекционную болезнь... — проворчал Сонд.

— Я здоров! — воскликнул Ииас. — И я все равно буду летать!

— Ты уже ничего не будешь делать, — возразил Яфмам. — Посмотри, как ты стоишь! Энергия ушла из тебя.

Ииас согнулся, лицо его залила краска напряжения. Потом он со стоном распрямился.

— Идем, — сказал Яфмам. — Теперь тебе нельзя в поселок, ты будешь жить с больными.

Он пошел прочь от домов. Ииас покорно поплелся за ним. Сонд быстро догнал уходящих. Яфмам, заметив его, негромко сказал:

— Это действительно заразная болезнь. Но заболевают только молодые. Болезнь неизлечима, даже если заболевший остается жив, он теряет свои способности, становится беспомощным, как младенец. Мы заботимся о них, но просим куда-то не уходить из карантина: люди, умеющие видеть небо, опасны, их примеру обязательно следуют другие. Рядом с поселком живут четверо таких. Ииас будет пятым. И все таки источником инфекции были вы, земляне.

Они подошли к небольшому домику, стоявшему в стороне от поселка. Зеленеющий холм закрывал его от остальных домов. Плотный забор в рост человека окружал дом. Яфмам отворил калитку и отступил на шаг, пропуская юношу.

— Ты будешь жить здесь, — сказал он. — У тебя будет все, что надо, но я прошу тебя никогда не выходить в поселок. Да ты и сам этого не захочешь.

— Я хочу летать, — прошептал Ииас.

— Там есть зеркало, — сказал Яфмам. — Там много хороших зеркал, но они тебе не помогут, небо ты теперь видишь и без зеркала, а вот магические способности к тебе не вернуться.

— Не отчаивайся, Ииас! — сказал Сонд. — Завтра я приду к тебе. Ты еще будешь летать. Для нас ты не больной, ты просто человек.

Около калитки Сонд и Яфмам раскланялись.

— Люди больше не будут летать над поселками, — сказал Сонд, — и вообще не будут летать без крайней нужды.

Яфмам поклонился.

— Еще я хотел спросить, — продолжал Сонд, — можно ли нам забрать ваших больных к себе?

— Разумеется, если они согласятся на это. Некоторые раскаялись в своей глупости и хотели бы вновь стать магами. К сожалению, это невозможно. Вам, Сонд, тоже придется смириться с неизбежным. Когда вы пытаетесь овладеть искусством, я не заметил никакой концентрации энергии. А ведь когда-то у вас были великолепные задатки, это видно даже сейчас. Ваши дети могут стать настоящими магами. Присылайте их к нам, я сам буду с ними заниматься.

— Спасибо, — сказал Сонд, — но у меня нет детей.

«А когда они появятся, — добавил он про себя, — то я не пущу их сюда, пока они неизлечимо не заболеют небом».

СОДЕРЖАНИЕ

Происшествие в «Карлтоне»	
Реймонд Чандлер	1
Трудности жанра	
Анатолий Григорьев	12
Аномалия	
Сергей Казанцев	13
Русалочка	
Борис Крылов	19
У свечи	
Юрий Шингаренко	27
Парадокс дедушки	
Гевадий Фадеев	29
Легионеры под Танаисом	
Михаил Пудовкин	30
Взгляд долу	
Святослав Логинов	31

Издание подготовлено кооперативом «Свиток» при Средне-Уральском книжном издательстве и журнале «Уральский следопыт».

Над пятым выпуском «ПиФа» работали: И. Кузовлев, С. Казанцев, С. Гаврилова, И. Любарский, Д. Иокитулшо, М. Пудовкин, О. Нагибина, Художник Д. Литвинов.

Ответственный за выпуск: С. Мешавкин.

ПиФ. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. — 32 с.

Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 4,43. Зак. № 32. Тираж 85000 экз. Цена 70 коп.

Подписано к печати 18.1.90 г. НС 14028
Средне-Уральское книжное издательство и журнал «Уральский следопыт».

Типография изд-ва «Военный железнодорожник».

Наш адрес: ул. Декабристов, 67. Тел. 22-10-74